

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Поездка для
стрекоты

Юлия Климова

Гнездо для стрекозы

«Юлия Климова»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Климова Ю. В.

Гнездо для стрекозы / Ю. В. Климова — «Юлия Климова», 2018

ISBN 978-5-04-092463-9

Настя не умеет притворяться — живет так, как подсказывает ей сердце. Даже внезапно обрушившееся богатство не приносит ей счастье, тем более что в комплекте к нему идут очень непростые семейные отношения и фамильный враг, избравший молодую наследницу объектом своего постоянного насмешливого внимания. Управлять собой и выбирать за себя, кого ей любить, девушка не позволит, а потому ей не место в бабушкином доме. Но найдется ли для Анастасии свой собственный, настоящий дом?.. В книгу включены два романа Юлии Климовой, выходившие под названиями «Бешеные страсти» и «Смейся, Принцесса!»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092463-9

© Климова Ю. В., 2018
© Юлия Климова, 2018

Содержание

Бешеные страсти	6
Глава 1	6
Глава 2,	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юлия Климова

Гнездо для стрекозы: дилогия

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В книгу включены два романа Юлии Климовой, выходившие под названиями «Бешеные страсти» и «Смейся, Принцесса!»

Бешеные страсти

Глава 1 Обычный день в доме Ланье

«Он целовал меня, и я отвечала... Он целовал, и я отвечала...» – эта мысль проводила меня до двери, заставила оглянуться на Тима три раза, отозвалась щекоткой в животе, повела по ступенькам вверх и, как только я улеглась на кровать, залезла под подушку. До утра оставалось несколько часов, я сомневалась, что засну, но в тот момент хотелось неподвижно лежать и блаженно улыбаться. Я просто не смогла бы сидеть или ходить – тело немело, мышцы превращались в тряпочки, а из груди вырывались счастливые вздохи. Бывает ли лучше? Вряд ли.

– Он целовал меня, и я отвечала... – прошептала я, глядя на потолок.

Наши отношения начались недавно или, может, правильное сказать – они начались сегодня. Ночь. Дом Ланье спит. А я наконец-то чувствую себя счастливой. Скорей бы наступило утро, пусть комната наполнится солнечным светом и придет время встать, одеться и отправиться завтракать. Я шагну на мягкий ковер, спущусь по лестнице на первый этаж и сверну в столовую, где меня будут ждать Эдита Павловна – моя грозная бабушка – и Нина Филипповна – моя добрая тетя. На столе, покрытом белой скатертью, будут стоять белые тарелки, белые чашки с блюдцами и широкие прозрачные стаканы для воды, будут лежать ножи, вилки и льняные салфетки. Внесут рисовый пудинг, блинчики с яблоками и корицей, нежные рулетики с курицей или омлет с грибами... Но я знаю, аппетит не шелохнется в животе, не издаст настойчивого кашля и не толкнет меня в бок. Если я и потянусь к одному из блюд, то лишь для того, чтобы не поймать вопросительный и строгий взгляд бабушки – Эдита Павловна не любит, когда я нарушаю установленные порядки и улетаю в облака (там я могу позволить себе слишком много запретного...). Но этим утром я вряд ли съем что-нибудь. Теперь, наверное, я буду думать о Тиме двадцать четыре часа в сутки. «Маленькая моя Ланье» – вот как он меня называл. О, Эдита Павловна не поверила бы собственным ушам, если б услышала это, и, конечно, она приняла бы меры... На земле стало бы на два человека меньше, а на ближайшем кладбище – на два холмика больше... И все потому, что Тим – бабушкин служащий (шофер и заодно помощник по многим хозяйственным вопросам), а я – «белая кость», одна из наследниц богатства Ланье. Такие маленькие несовпадения Эдита Павловна, мягко говоря, не одобряет. *«Нашей семье принадлежит весь ювелирный мир. Принадлежит вместе с потрохами, прошлым, настоящим и будущим»* – слова Кору (еще одной моей тети, увы, не такой доброй, как Нина Филипповна). Иногда эти фразы всплывают в памяти, и дышать становится тяжелее.

Раньше у нас с Тимом были приятельские отношения, он приезжал в частную школу, где я училась, и привозил гостинцы от Эдиты Павловны. Мы гуляли, болтали ни о чем и расставались без каких-либо охов и вздохов. Я и не догадывалась, что нравлюсь ему, а в моем сердце тогда жили чувства совсем к другому человеку... Так случается иногда. А может, и часто.

Успешно окончив школу, я вернулась в дом Ланье. Чужой мне по сути, потому что детство я провела в деревне (после гибели родителей меня практически изгнали из семьи, а потом вернули обратно¹). Бабушка всегда контролировала и планировала мою жизнь, но я росла, и мой характер медленно, но верно претерпевал изменения. Тим был рядом, и часто всего несколько его слов успокаивали меня, перечеркивали отчаяние и заставляли смотреть на боль-

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Счастье на тонких ножках». М.: Эксмо, 2011.

шие и маленькие катастрофы легко. Из тощего богомола я превращалась в девушку. В девушку, способную наломать немало дров...

«Ты мне очень нравишься», – однажды сказал Тим, и с тех пор наши судьбы стали сближаться. Я неожиданно поняла, что скучаю по нему. Память все время предлагала кусочки наших встреч, и они плыли передо мной, точно лебеди... О, какие картины рисовало мое воспаленное воображение, как стучало сердце и как медленно тянулись дни! Холодный дом бабушки не мог поделиться и каплей тепла, зато взгляд Тима согревал и дарил надежду...

* * *

Как я и предполагала, к завтраку спустились не все. За столом сидели я, бабушка и Нина Филипповна. Моя вторая тетя, Кора, дядя Семен Германович Чердынцев и двоюродная сестра Валерия отсыпались после торжества, устроенного рекламной компанией «Браво-Бис». Утомленные всеобщим весельем, впечатлениями, дорогими винами, закусками, десертами и танцами, они вернулись лишь под утро и теперь наверняка видели красочные сны. Мне почему-то казалось, что эти сны должны быть нервными, с постоянно сменяющимися кадрами.

– Я рада, что мы уехали раньше, – произнесла Эдита Павловна, посмотрев на пустующее место Кору. – У нас день начался должным образом.

Мы с Ниной Филипповной обменялись быстрыми взглядами и вернули внимание пудингу. Но я потеряла аппетит из-за Тима, а она – из-за Льва Александровича Бриля, нашего семейного врача. Так что есть у нас получалось плохо, зато мы достигли совершенства в построении холмиков из риса и брокколи. То построим, то разрушим, то построим, то разрушим, и так до бесконечности.

– Сегодня всем лучше немного отдохнуть, – тихо произнесла Нина Филипповна и положила вилку на тарелку. – Мама, возможно, вечером я прогуляюсь... – Она замолчала, выпрямила спину и коротко вздохнула. Смятение и смущение моей тети были очевидны, но Эдита Павловна, погруженная в свои мысли, не обратила на них внимания.

– Да, сегодня никаких дел, – твердо объявила бабушка и посмотрела на часы. – А завтра все вернется на круги своя. Завтра, Анастасия, мы едем на аукцион. – Она царственно повернула голову в мою сторону. – Надеюсь, ты не откажешься меня сопровождать?

Это был тонкий намек на мою непокладистость, которая в последнее время слишком часто давала о себе знать. Как-то так получалось, что по некоторым вопросам я позволяла себе сказать «нет», и главное – оставалась после этого жива...

– Я поеду, – ответила я и вдобавок кивнула.

«Жаль, что на аукцион нас повезет не Тим, а то два часа счастья были бы мне обеспечены, – мечтательно подумала я, взяла чашку и сделала быстрый глоток. – А если бы мы еще застряли в дорожной пробке...»

– Чему ты улыбаешься? – чуть приподняв брови, с холодным удивлением поинтересовалась Эдита Павловна.

– Просто так, – сказала я и на всякий случай спрятала улыбку. «Мои чувства к Тиму должны оставаться тайной, теперь нужно хорошенько следить за своими словами и поступками».

Я была готова абсолютно на все, лишь бы бабушка ни о чем не догадалась... А скучать мне предстояло как минимум до среды – Тим уже несколько дней жил в загородном доме Эдиты Павловны и приглядывал за рабочими, которые приводили в порядок трубы. Ночью он приехал ко мне сюрпризом, неожиданно, от чего наша встреча получилась... м-м... особенной и волнительной.

– Просто так никто никогда не улыбается. И все же я выбита из колеи, – скорее себе, чем нам, тихо и недовольно сказала Эдита Павловна, посмотрев сначала на пустующее место

Коры, а затем на стул Семена Германовича. Несмотря на наше позднее возвращение домой, на ее лице не было усталости, впрочем, бабушка никогда не выглядела плохо. Пышно уложенные седые волосы короновали голову, морщины привычно подчеркивали аристократизм внешности, тяжелые дорожные украшения (каждое – гордость Ювелирного Дома Ланье) надменно и сдержанно сверкали то янтарно-желтым, то густо-зеленым светом. – Что-то не так... – произнесла она уже еле слышно. – Что-то не так...

Отсутствие Кору, Семена Германовича и Валерии не могло задеть бабушку (мы не всегда завтракали в полном составе), наверное, ее интуиция беспокойно ерзала и настойчиво нашептывала: «Будь внимательна, возможно, кто-то из Ланье пошел по кривой дорожке...» Но по кривым дорожкам мы с Ниной Филипповной пошли вместе, правда, моя была куда кривее...

– Очень вкусно, – произнесла я и, запихнув в рот хлеб с сыром, усиленно принялась жевать. Инстинктивно мне захотелось сменить тему разговора – предательский страх вспыхнул в груди и погас.

– Надеюсь, Валерия вчера выпила не слишком много шампанского. Кора недостаточно строга с ней, а между тем у девчонки в голове сплошные развлечения. – Бабушка поджала губы и чуть нахмурилась.

Мы с Ниной Филипповной дружно и бесшумно выдохнули – подозрение пало на мою двоюродную сестру, и наши персоны остались в тени ее предыдущих подвигов. Я почувствовала, как губы вновь растягиваются в улыбку, и сунула в рот еще кусочек хлеба с сыром (на этот раз с аппетитом). «Возможно, вечером я немного прогуляюсь...» – прозвенели в голове слова Нины Филипповны, и я на миг замерла. Неужели тетя уже сегодня встречается с Брилем? Хотя почему мне это кажется странным? И разве не об этом я мечтала? О, именно об этом! Да я сделала все, что могла, ради того, чтобы на вечере «Браво-Бис» они потанцевали. Казалось, всего одно круженье, один взгляд – и ситуация изменится в лучшую сторону, пропасть, разделяющая их многие годы, закроет свою бездонную пасть и превратится в аккуратную лужайку с ромашками и лютиками... Мое воображение мгновенно принялось строить сказочные замки из подручных средств.

Льва Александровича Бриля тетя полюбила давно, но тогда он не был столь обеспеченным человеком, и это оказалось настоящей преградой. Для Нины Филипповны деньги не имели никакого значения, но Эдита Павловна такого зятя не смогла бы принять ни за что. В доме Ланье браки совершаются исключительно в кабинете бабушки, теперь-то я это знаю. Бедная моя тетя... Она и сейчас не умеет говорить «нет», а уж тогда... «Мама потребовала закончить наши отношения, и я послушалась... Лев исчез, через какое-то время женился, мне рассказывали об этом, потом развелся, а затем вернулся в мою жизнь в качестве врача семьи. Он пытался сблизиться со мной... Я не могу. Мне бесконечно стыдно, я недостойна...» Лев Александрович Бриль. Высокий, здоровущий, громоподобный, добрый и ироничный. Лера считает его страшным, но какая же это глупость! Он как крепость, которую невозможно разрушить, как стена, которая закрывает от всего плохого. И он долгие годы любил мою тетю...

Кажется, медленный танец на вечере «Браво-Бис» кое-что изменил, приятно осознавать, что это случилось не без моей помощи². Покосившись на бабушку, я машинально заправила прядь соломенных волос за ухо. Да, теперь Бриль богат, его клиенты – «сливки общества», у него своя клиника, но Эдита Павловна все равно благословения не даст. Более того – разозлится. Стены содрогнутся от ее гнева. И раз, и два, и три! И дело вовсе не в характере Бриля (уж он не из тех, кто станет лстить Ланье), а в том, что Нина Филипповна отвечает в нашем доме практически за все да к тому же является секретарем Эдиты Павловны. Тете просто непозволительно любить и быть любимой, никто от нее этого не ждет и никто (кроме меня)

² Об этом можно прочесть в романе Ю. Климовой «Действуй, Принцесса!». М.: Эксмо, 2011.

этому не обрадуется. Ее место в жизни определено, и даже незначительные перемены недопустимы.

Но моя дорожка все равно кривее. «Он целовал, и я отвечала...» Я сдержала еще одну улыбку, выпрямила спину и услышала сухое бабушкино: «Завтрак окончен». Если Нина Филипповна сегодня встретится с Брилем, я это обязательно угадаю по счастливому блеску ее глаз. И, наверное, не сдержавшись, задам тете хотя бы один маленький вопрос...

* * *

– Ты свалила дурака, не нужно было уезжать так рано. Глупо, просто глупо! – Лера окатила меня презрительным взглядом, усмехнулась, прошла к окну и резко развернулась. – Самое веселье обычно происходит ночью, но откуда тебе знать об этом. Я танцевала с Павлом, Матвеевым и Шелаевым. Отличный наборчик, не правда ли?

– Я рада за тебя, – ответила я спокойно, не двигаясь с места.

Лера стремилась уязвить меня, разозлить, возможно, даже вызвать приступ ревности, но среди перечисленных мужчин не было Тима, а значит, этот едкий выпад не мог задеть или расстроить. Так я думала, однако смесь всевозможных чувств взволновала сердце. Я попыталась угадать, кто именно из перечисленных мужчин стал тому виной...

– Ничего ты не рада, – фыркнула Валерия, перебивая ход моих мыслей. Довольная собой, она забралась на подоконник. – За Павла я выйду замуж, вот увидишь. Ну же, признайся, что это тебе жутко неприятно. За ним столько девчонок бегают, но я – Ланье, и к тому же точно знаю, чего хочу получить в этой жизни. – На губах Леры заиграла победная улыбка, карие глаза вспыхнули, как у злой колдуньи.

Похоже, моя двоюродная сестра полагает, что у нее будет несколько жизней... Я бы не удивилась, узнав, что три из них она уже спланировала следующим образом: первую проведет с Павлом Акимовым, вторую с Максимом Матвеевым, а третью – с Климом Шелаевым.

Очередная стрела Валерии пролетела мимо. Да, когда-то я была по уши влюблена в Павла, но теперь эта страница жизни перевернута, а чувства забыты.

– Ты вправе выйти замуж за кого угодно. – Я пожала плечом, демонстрируя равнодушие. – И в этом я не вижу ничего неприятного для себя.

– Он так прижимал меня к себе во время танца... – не унималась Лера. – И что-то шептал... Черт, я ничего не разобрала! Но это неважно! Конечно, он говорил о том, как сильно меня хочет. – Она уверенно кивнула. – Матвеев тоже хорош, но с ним не подурочишься. А Шелаев... О, мама дорогая! – Валерия многозначительно возвела глаза к потолку. – Он много выпил и такую румбу станцевал с солисткой, что все аплодировали чуть ли не полчаса! Она пела на сцене, а он подошел, протянул руку и пригласил... Расфуфыренные дамочки были в восторге, и, конечно, каждая мечтала о том, чтобы он отчебучил такое и с ней. Но с Климом потом танцевала я!

В этот момент я поняла, что Валерия бессовестно и вдохновенно врет — Шелаев ее не приглашал.

Мысленно я вернулась на вечер «Браво-Бис» и окунулась в атмосферу торжества и веселья. Наверное, после нашего отъезда было уже куда меньше официальности – шампанское искрилось в бокалах, официанты предлагали всевозможные спиртные напитки, музыка становилась все быстрее и громче. Я практически увидела Клима Шелаева, приближающегося к сцене неторопливо, с достоинством демона. Наверное, когда он нетрезв... м-м-м... это вообще страшно. Он оценивающе и нагло смотрит на солистку, затем протягивает руку и произносит слова приглашения... «Мне нет до этого никакого дела», – одернула я себя, возвращаясь в огромный зал дома Ланье.

– Ну, а ты чем тут занималась? – приподняв ровные черные брови, насмешливо поинтересовалась Лера.

«А я здесь с Тимом целовалась», – чуть не ответила я с детской вредностью. Вероятно, мои зеленые глаза тоже вспыхнули, потому что на лице Валерии обозначились напряжение и подозрительность. Она всегда ожидает от меня какого-то подвоха, хотя я никогда ничего специально не делала и даже старалась поменьше с ней пересекаться.

– Завтракали, — емко и весомо выдала я и, поразмыслив пару секунд, а не перечислить ли меню и не начать ли с риса и брокколи, счастливо вздохнула.

Лера молча смотрела на меня, а я на нее. Я чувствовала, как цепкие щупальца ее любопытства пытаются пробраться в мой мозг, чтобы вытянуть из него как можно больше информации, но все замочки были закрыты, двери захлопнуты, окошки опечатаны.

– Ну и завтракайте. — Лера соскочила с подоконника и одернула короткую юбку. – А я решила похудеть на три килограмма. Мне вообще хочется начать новую жизнь. — Она махнула рукой. – Бабушка в чем-то права: нужно быть поумнее.

Лера миновала лестницу и, довольная собой, виляя бедрами, направилась к столовой, а я стала подниматься по ступенькам на второй этаж. «Нужно быть поумнее». Неужели моя двоюродная сестра только что признала свое несовершенство? И что вообще значит ее фраза? Пожалуй, мне не следует слишком долго думать об этом – я очень рискую сойти с ума...

На втором этаже я сразу услышала резкий и скрипучий голос Семена Германовича. Дядя явно кого-то ругал, и по тону (то возвышающемуся, то затухающему) было ясно, что он пытается сдержать гнев, но это у него не очень-то получается. Неведомая сила потянула меня вперед – к приоткрытой двери кабинета Семена Германовича...

«Подслушивать нехорошо, — отругала я себя и сделала еще два маленьких шага. – Но он же кричит, а я иду мимо...»

Кажется, кто-то из великих говорил: «Только глупец не сможет найти себе оправдания». Что ж, я быстро справилась с этой задачей, решив хорошенько отругать себя позже.

– ...где браслет, который я подарил тебе на прошлый день рождения? У меня хорошая память, я не из тех мужчин, которые не разбираются в ваших дурацких побрякушках!.. Хотя какие же они дурацкие, если стоят целое состояние!.. А серьги?.. Помнишь серьги? Они висели до плеч... До твоих бесстыжих плеч!

– Мой дорогой, бесстыжих плеч не бывает, — отвечала Кора легко, будто ссора случилась из-за ерунды, но все же в ее голосе прозвенели нотки волнения.

– Уж поверь, у тебя все бесстыжее, – последние слова Семен Германович произнес с нажимом.

– Но разве ты меня не за это любишь, дорогой?

– Перестань ломаться! Я хочу видеть те украшения, которые подарил... И те, что мы покупали вместе, тоже...

Развернувшись, я отправилась в свою комнату. Если бы дядя не был столь противным тараканом, я бы ему посочувствовала, но эта сцена не тронула мою душу. «Наверное, у Кору есть какое-то объяснение, и она его предъявит мужу. Тетя слишком любит драгоценности, чтобы с ними расстаться, может, Кора их под подушку сунула... Кладу же я под подушку письмо Тима и малахит, который он привез мне с Кавказа...»

Подобное сравнение здорово развеселило, я зашла в свою комнату, взяла мобильный телефон и села на кровать. Если люди поцеловались... то важно, кто позвонит первый? Ну-у-у, после этого... Потратив минуту на раздумья, я все же решила потерпеть и дожждаться звонка Тима. Мне просто не хватило мужества набрать его номер.

Глава 2, в которой я утоляю любопытство и нервничаю

– Привет, Ланье, — его голос был немного ироничен и в то же время мягок. Я закрыла глаза от удовольствия и счастливо вздохнула.

– Привет...

– Выспалась? – спросил Тим. — Я не звонил, боялся тебя разбудить. Ты же легла поздно.

– Ты что! Какой сон! – Я засмеялась и бухнулась на подушку. – Я даже присутствовала на завтраке и мужественно ела брокколи.

– Сколько съела? – поинтересовался Тим.

– Так себе... маловато... У меня совершенно не было аппетита, потому что я... думала о тебе.

Вроде все уже ясно – мы целовались, но слова застревали в горле, будто я все восемнадцать лет молчала и только сейчас начала учиться говорить. Одной рукой я крепко сжимала мобильник, другой – мучила край пледа. Взгляд скакал то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Я вспоминала, как Тим обнимал меня, как гладил, как смотрел... Наша ночная встреча длилась не так уж и долго, но мысленно я ее растянула на целый час... Теперь я понимала, почему Нина Филипповна вела дневник... Просто нереально держать этот водоворот чувств в себе, так и взорваться можно – в один миг разлететься на маленькие кусочки.

– Я готов приехать и сегодня ночью, – предложил Тим, и у меня ухнуло в груди не то от вселенской радости, не то от смущения. – Погуляем до четырех, а потом ты вернешься домой.

– Нет... Было бы здорово, но давайждемся среды.

Конечно, я хотела так скоро увидеть Тима, прижаться к нему, почувствовать уют и тепло, однако мы не имели права рисковать — интуиция Эдиты Павловны никогда не дремала... Я старалась не думать о том, что случится, если правда всплывет на поверхность, но одно знала точно: у Тима будут крупные неприятности — в доме Ланье таких поступков не прощают...

«Спасайся кто может», — мрачно подумала я.

– Хорошо, все будет так, как ты скажешь, – пообещал Тим.

Одних этих слов хватило, чтобы улыбаться до вечера, вздыхать, смотреть на календарь в мобильном телефоне, торопить среду и мечтать. Я успокоилась, лишь когда отыскала любовный роман (уж не знаю, каким невероятным образом он оказался в бабушкиной библиотеке) и села читать. Обложка усыпана бледно-розовыми цветочками, бумага тонкая и шершавая... Мне было совершенно все равно, что сюжет предсказуем и действие то скачет, то притормаживает, то опять скачет. Герои говорили те слова, которые и я хотела произносить, и их чувства медленно, но верно двигались к...

– Ты опять читаешь? – раздался насмешливый голос Валерии, и я подняла голову. – Это правильно, чтение хорошо влияет на мозг... А я отправляюсь на вечеринку.

Лера ждала ответа, но мой взгляд скользнул левее и выше – я увидела Нину Филипповну, спускающуюся по лестнице.

– Отдохни хорошенько... – протянула я, разочаровывая двоюродную сестру.

– Я даже не буду много пить, потому что начала новую жизнь.

– Да, ты говорила.

Мне хотелось, чтобы Лера побыстрее ушла и не мешала разглядывать тетю (а от нее я с трудом отводила глаза). Нина Филипповна собиралась на свидание с Брилем – в этом не было никаких сомнений. На ее бледном лице играл легкий румянец, она щурилась, словно вдруг стала хуже видеть, каждый шаг делала слишком медленно и осторожно и покусывала губы, постоянно поправляя ремешок маленькой коричневой сумочки.

– Скоро ты покроешься паутиной, – с удовольствием произнесла Лера.

– Да, наверное, – выдала я ответ, не задумываясь ни на секунду.

Моя двоюродная сестра фыркнула и направилась к двери, а я заерзала в кресле, устраиваясь поудобнее. Теперь я знала, что не покину свой наблюдательный пост, пока Нина Филипповна не вернется. Даже если мне придется прочитать роман два раза, я не сдамся.

«Интересно, как у них все будет?.. Увижу ли я в ее глазах тот самый счастливый блеск, который замечала ранее в клинике Бриля и на вечере «Браво-Бис»? Увижу, конечно, увижу! Она так долго любила Льва Александровича, так долго прятала свои чувства...»

– Я скоро вернусь, – сказала Нина Филипповна. Поймав свое отражение в огромном искрящемся зеркале, она побледнела еще больше, румянец исчез. В эту минуту я бы ни за что не дала ей тридцать шесть лет – тетя выглядела намного моложе. Невысокая, стройная, часть каштановых волос при помощи скромной заколки собрана на затылке, из косметики – лишь блеск на губах, одежда неброская: бежевая трикотажная кофта в обтяжку, длинная прямая юбка...

Я кивнула, проглотив миллион вопросов, колючий комочек любопытства и столовую ложку жгучего нетерпения. «Эдита Павловна убьет нас всех», – пронеслась огненная мысль, заставившая подпрыгнуть сердце. Но я улыбнулась и вновь открыла любовный роман.

Нина Филипповна вернулась через полтора часа – большего она не смогла себе позволить. Ее походка была быстра, глаза сияли, губы алели. Она пронеслась мимо меня и устремилась в свою комнату, точно ласточка, подружившаяся с ветром... Я представила большего, громоподобного Бриля, захлопнула книгу и тоже направилась к лестнице. Лев Александрович теперь не отпустит мою тетю. В этом можно было не сомневаться...

* * *

К аукционам Эдита Павловна относилась по-разному: иногда игнорировала приглашения, иногда раздражалась, но все же ехала, иногда была равнодушна и спокойна, а порой находилась в особом торжественном возбуждении. Поразмышляв немного над ее настроениями, я поняла, что аукцион аукциону рознь: если бабушка лишь отдавала дань вежливости, то ее душа оставалась холодна, если же речь шла о приобретении чего-либо, то в зелено-коричневых глазах сверкали остроконечные языки пламени.

Эдита Павловна заранее изучала все лоты и, когда возникал интерес к какой-то вещице или картине, просила Нину Филипповну собрать ту или иную информацию. Бабушка почти всегда покупала желаемое. Случались исключения, но причиной тому были, конечно же, не деньги. Например, понравившуюся бронзовую статуэтку Эдита Павловна уступила жене дипломата, сделав это с подчеркнутым кивком и многозначительной улыбкой. На следующий день дипломат прислал бабушке корзину с первоклассным шоколадом (так шоколад охарактеризовала Кора, она же его и съела, а Эдита Павловна лишь поджала губы и довольно усмехнулась).

Еще рано утром я поняла, что бабушка нацелена на покупку. Она проигнорировала завтрак, но очень долго пила чай с лимоном и колотым сахаром, при этом постукивая ложкой о блюдце в такт своим мыслям. Уголки ее губ то приподнимались, то опускались. Эдита Павловна будто разговаривала с кем-то и находила эту беседу весьма интересной.

К двенадцати часам бабушка надела черное платье и украсила себя тяжелым узорчатым серебром. Для меня это был явный перебор в драгоценностях, но она умела носить кольца, серьги, браслеты, кольца так, что казалось — перед тобой сама королева. Поняв, что и меня сейчас разоденут «в пух и перья», я тяжело вздохнула и ссутулилась.

– Анастасия, в моей комнате на столе ты найдешь ожерелье, надень его.

Эти слова бабушка произнесла небрежно, хотя, как я подозревала, речь шла о символе Ювелирного Дома Ланье – ожерелье с изумрудами и бриллиантами, ранее принадлежащем

Екатерине Второй. Я не ошиблась – тонкая змейка с изумрудными каплями лежала в бархатном футляре и ждала меня. Я вспомнила о маме, постояла немного и взяла ожерелье. Когда оно коснулось моей кожи, я понеслась в прошлое, но это был короткий миг — золоченые напольные часы издали протяжный скрипящий звон, и я поспешила покинуть бабушкину комнату.

Украшение обязывало, мне пришлось надеть платье в тон изумрудам и привести волосы в порядок. Осмотрев меня с головы до ног, Эдита Павловна осталась довольна. «Ланье», – удовлетворенно поставила она диагноз и направилась к двери. Торжественно выдохнув, я устремилась следом. Перевоплощаться в принцессу я уже научилась, корона на голове пока не выросла, но плечи расправлялись сами собой, движения становились плавными и неторопливыми.

Через несколько шагов я заметила, что мы с бабушкой идем в ногу, притормозив, я нарочно сбилась с ритма.

– Хочу купить картину, – донесся до меня голос Эдиты Павловны. – Тафт – мастер городского пейзажа, в его «Коричневом Париже» что-то есть...

Я понадеялась, что лот будет представлен в начале аукциона и мне не придется умирать от скуки более получаса. Вспомнились торги, на которых разразилась настоящая битва за право обладания маленькой фарфоровой чашкой с блюдцем, и я улыбнулась. Это сокровище когда-то пылилось в столовой знатного английского графа. Эдита Павловна на тех торгах была холодна и равнодушна, а то бы чашка обязательно оказалась в доме Ланье...

Машина остановилась около розовато-бежевого трехэтажного особняка, лишенного каких-либо вывесок. На лице бабушки появилась тонкая многозначительная улыбка, морщины несколько разгладились – она готовилась к сражению и обязательной победе.

– Не люблю волокиты, – произнесла Эдита Павловна и добавила: – Хочу, чтобы уже сегодня «Коричневый Париж» висел в моей спальне.

Я могла лишь выразить соболезнование тем, кто рискнет встать на пути бабушки. «Люди, остановитесь, сдайтесь без боя — в вашу сторону движется тяжелая артиллерия!» Я машинально дотронулась до ожерелья и направилась к распахнутым воротам, но чем ближе подходила к тяжелым массивным дверям особняка, тем острее чувствовала непокой, объяснения которому не было. Такое случается, когда на тебя устремляется чей-то цепкий, пристальный взгляд... Я обернулась, но ничего подозрительного не заметила – кругом текла самая обыкновенная жизнь.

– Анастасия, не отставай, — бодро поторопила Эдита Павловна. – Прекрасный день! Уже давно я не чувствовала себя так хорошо.

В просторном зале царила атмосфера размеренного покоя. Мягкие широкие стулья стояли в три ряда полукругом и освещались желтыми лампами люстры. Та висела слишком низко, и я сразу представила, как стучаюсь лбом о черные кованые загогулины, издавая досадное «ой!».

Мы прошли вперед, Эдита Павловна поздоровалась со своими знакомыми, я тоже произнесла вежливое «здравствуйте», повернула голову и... встретила колкий взгляд серых глаз... Клим Шелаев сидел в первом ряду с левого края и смотрел на нас.

«Привет, Анастасия. Давно не виделись».

«Добрый день...»

Мимолетное скрепление взглядов, строчки слов в голове... Я вздрогнула, тут же отругала себя за это, нахмурилась и сжала кулаки. Раз, два, три... Почему бы не досчитать до десяти (а лучше до ста), если поблизости оказывается Клим Шелаев? «Я – Ланье», – неожиданно напомнила я себе и мысленно усмехнулась. Да, я Ланье, но в данном случае это как раз и делает меня одним из кружков черно-белой мишени (хорошо, что не центральным, почетное место занимает Эдита Павловна).

«Да, добрый день, Клим. Я не скучала».

Белая рубашка с закатанными рукавами и расстегнутыми верхними пуговицами, черные брюки, начищенные ботинки, ленивая поза хищника... Теперь мой непокой имел вполне разумное объяснение – похоже, близость этого человека я уже начинала чувствовать кожей.

Клим Шелаев – враг семьи Ланье. От него не стоит ждать ничего хорошего. Сколько дуэлей уже состоялось между нами? Могу ли я считать себя победительницей хотя бы одной? «Клим Шелаев, Клим Шелаев, Клим Шелаев», – застучало в висках, но я проигнорировала этот стук, мужественно изобразила на лице равнодушие, кивнула и, не дожидаясь ответного приветствия, отвернулась. Сейчас на мне надето ожерелье Дома Ланье, а не кольцо-цветок – «подарок» Шелаева, и я могу позволить себе куда больше уверенности, чем на вечере «Браво-Бис». Мы танцевали, мои руки и сейчас помнят, какими каменными были его плечи... «Ну, Анастасия, смелее, что у нас нынче на кону?» Голос уверенный и насмешливый, сила в руках и каждом движении. Но я теперь далеко, потому что больше никакие сделки меня с этим человеком не связывают. И не будут связывать. Никогда.

– Здесь Клим? – Эдита Павловна тоже кивнула Шелаеву. – Его редко встретишь на аукционах, хотя картины Клим любит... Или нет? Хотела бы я заглянуть в его душу хотя бы раз. — Бабушка прищурилась, покачала головой и поплыла к первому ряду стульев. — Картины, женщины, риск... Весь набор страстей. Интересно, на что нацелен интерес Клим сегодня? Если он здесь, значит, хочет что-то купить.

«Коричневый Париж» – ударила в голове молния, а затем вдобавок прогремел отдаленный гром:

– Он наверняка хочет купить картину Тафта...

Я резко повернула голову в сторону Шелаева, но он не смотрел на нас, спокойно, со сдержанной улыбкой Клим разговаривал с рядом сидящим мужчиной. Если он и собирался вступить в бой с Эдитой Павловной, нельзя было сказать, что это его беспокоило (или Шелаев не догадывался о предстоящей битве?).

«Может, он приехал купить какой-нибудь натюрморт», — нарочно предположила я, борясь с настойчивым предчувствием. Тарелка с грушами, яблоко, вазочка с цветами на втором плане... Почему бы и нет? Клим Шелаев и натюрморт... Мои губы дрогнули, и я сдержала улыбку – это все равно что представить мафиози, покупающего белого пушистого кролика.

«Но откуда бы он узнал, что Эдита Павловна мечтает заполучить «Коричневый Париж»? Это невозможно», – я дернула плечом и, прогоняя мысли прочь, принялась рассматривать зал. Тяжелые бархатные шторы, паркет, золотые вензеля...

«На предварительной выставке достаточно заметить особый интерес Эдиты Павловны к той или иной картине...»

Уютные диваны вдоль стен, столик в углу на изогнутой ножке, пейзаж ближе к двери...

«Нина Филипповна наверняка оформляла приглашения на аукцион и задавала вопросы о «Коричневом Париже», нужно было лишь получить эту информацию и сопоставить...»

В голову полезли дурацкие мысли, и мне пришлось остановить свое воображение. Разве не может человек прийти на аукцион просто так? И почему его обязательно должны интересовать городские мотивы?

– Совершенно нечем дышать, – недовольно произнесла Эдита Павловна. – Пожалуйста, найди администратора и попроси включить кондиционеры посильнее. До начала еще двадцать минут, но все же лучше приехать раньше, чем опоздать...

Мне и самой хотелось глотнуть свежего воздуха, зал уже казался тесным и душным, а все потому, что взгляд Шелаева был вновь устремлен на меня. Клим точно говорил: «Я с радостью испорчу настроение твоей бабушке, Анастасия. И уж, конечно, вдвойне обрадуюсь, если испорчу настроение тебе».

«Нет, не выйдет, – упрямо подумала я и на всякий случай добавила: – Я теперь сильная и смелая. И... у меня есть Тим».

Покинув зал, я быстро отыскала администратора и передала ему просьбу Эдиты Павловны. Но обратно меня ноги не понесли, я подошла к огромному зеркалу (от потолка до пола) и стала смотреть на свое отражение. Высокая, худая... Одна из Ланье. Я автоматически сравнила себя с Валерией и в сто первый раз не нашла между нами никакого сходства. Она похожа на Кору – свою мать, а я на свою. Изумруды ожерелья сверкнули, по полу поползла тяжелая темная тень. Она росла и крепла, пока не превратилась в Клим Шелаева...

– Анастасия, рад тебя видеть. – Он подошел совсем близко и встал за моей спиной. Я высокая, но Шелаев гораздо выше... Я не шелохнулась, не развернулась, предпочитая смотреть на отражение, а не на него самого. – Знакомое ожерелье... – Клим усмехнулся. – Старуха совершенно права, символ Дома Ланье должна носить только ты.

– Его вполне может носить и Валерия, – назло ответила я, растягивая время, собирая силы.

– Не может, – Шелаев покачал головой, и его глаза хитро блеснули. – И ты это знаешь, Анастасия.

– Может.

Мое упрямство не знало границ. «Нелепый, ненужный разговор», – приободрила я себя, готовясь с абсолютным равнодушием отойти в сторону. К чему затягивать малоприятные разговоры, все пункты вежливости выполнены и... Но Клим взял меня за локоть, наклонил голову, нагло уставившись на мою шею.

– Врагов нужно любить, разве Эдита Павловна не говорила тебе об этом?

– Мне нужно идти. – Я проигнорировала дрожь в груди.

– Как поживает Нина?

– Хорошо...

– Я видел вчера Бриля, он выглядел счастливым.

Не нужно было обладать особым умом и редкостной сообразительностью, чтобы понять, куда клонит Шелаев.

– Просто замечательно, что у Льва Александровича тоже все хорошо.

– Я когда-нибудь увижу на твоём пальце мое кольцо? – резко сменив тему, тихо спросил Клим. – Оно тебе очень подходит.

– Никогда.

– И ни за что?

– И ни за что, – ответила я уже легко, с довольной улыбкой.

– Опять твое категоричное «никогда» и не менее категоричное «ни за что». – Клим засмеялся, наши взгляды встретились в зеркале. – Вот уж не думал тебя увидеть здесь...

Он врал и не собирался скрывать этого, я чуть приподняла подбородок и пожала плечами, мол, какая разница, о чем вы думаете или не думаете, Клим. Я бы хотела ответить колко, но вместо того дежурно начала:

– Меня ждет бабушка, приятно было...

– Поболтать? – подсказал Шелаев, и его улыбка стала шире. Затем она исчезла. – Как ты относишься к Парижу? Он бывает холодный, серый, мрачный, а бывает... коричневый. Не так ли, Анастасия?

Клим обжег мою шею дыханием, однако по спине пополз холод. Мои подозрения оправдались, но не в этом было дело. «Я не должна его слушать, не должна... Он ничего не делает просто так... За каждым его словом тянется...» Я не успела додумать – Шелаев не собирался давать мне лишние секунды на своевременный побег.

– Я приехал сюда, чтобы купить картину Тафта «Коричневый Париж». Теперь ты все знаешь, дорогая Анастасия, – с удовольствием четко произнес Клим и отпустил мой локоть, который, наверное, уже распух от негодования и волнения.

– Мне это не интересно, – «равнодушно» ответила я, чувствуя, как ноги врастают в пол.

– Интересно, – поправил Клим. – А теперь еще и стало важным.

– Нет, – мотнула я головой.

– Да.

– Нет.

– Анастасия, – произнес Клим с ироничным укором.

– Я не разбираюсь в картинах.

– Сегодня я ее куплю.

– Вы не сможете.

– Полагаешь, меня победит Старуха?

Глупо было изображать удивление и спрашивать: «Каким образом вам стали известны планы Эдиты Павловны?» Он знал. Просто знал, и все.

– Да.

– Почему же?

– У нее гораздо больше денег, – честно ответила я.

– Именно потому она ее сегодня не купит. Тебе нужно чаще бывать на аукционах – это театр, где особым удовольствием является наблюдение за людьми.

– Меня ждет бабушка, – повторила я, не желая участвовать в очередной игре Шелаева.

– Подождет, – с легкостью заверил он. – Анастасия, как же я люблю, когда ты предаешь Дом Ланье. Ты делаешь это так естественно и честно, чего по сути не может быть, что каждый раз я восхищаюсь тобой.

– Вы что-то путаете, – небрежно ответила я. – Предательство – не моя стихия.

Клим вновь засмеялся и сунул левую руку в карман брюк.

– Маленькая девчонка, – мягко произнес он. – Маленькая упертая девчонка, носящая фамилию Ланье.

«Я не должна его слушать», – как заклинание повторила я, но по моим венам уже текла отравы... Клим сделал так, что теперь я точно знала: он планирует купить «Коричневый Париж». Шелаев специально дал мне понять, что сегодня по каким-то причинам картина достанется ему. «Еще секунда, и я наверняка узнаю дальнейший ход событий...»

– Я никого не собираюсь предавать, зачем вы все это говорите? – спросила я, к сожалению зная ответ.

– Теперь ты, как хорошая внучка, должна предупредить бабушку. Но ты ведь этого не сделаешь, Анастасия? Правда? – спросил он весело и добавил: – Ты не предупредишь Эдиту Павловну, потому что не на ее стороне. – На лице Клина появилась... нежность. Невозможная, невероятная нежность, которой раньше я не видела. Появилась и исчезла. – Сегодня ты на моей стороне, Анастасия.

Он подчеркнул последние слова. Подчеркнул, развернулся и пошел в зал. Теперь я уж точно не нуждалась в прохладном воздухе – мне не было душно, я чувствовала холод и... острое желание убить Клина Шелаева. Впрочем, не в первый раз!

Глава 3

Сказать или не сказать? – вот в чем вопрос...

Он совершенно не обращал на нас внимания, и через двадцать минут я стала думать: а не пригрезилась ли мне сцена около зеркала? Бывают же у людей небольшие помутнения рассудка...

Шелаев сидел, откинувшись на спинку стула, положив ногу на ногу, словно на свете никогда не существовало Тафта, а заодно и «Коричневого Парижа». Так обычно сидят в кинотеатрах или перед телевизором, когда смотрят вроде и неплохой фильм, но сюжет все же не захватывает. Ленивая, расслабленная поза, и ни одна тень не скользит по лицу.

На миг мне нестерпимо захотелось узнать, о чем думает Шелаев, и я мысленно обратилась к нему: «Посмотрите на меня, посмотрите». Клим повернулся к своему соседу и произнес несколько слов – показалось, или он все же бросил на меня короткий взгляд?

– Столько шума из-за какого-то кувшина, – недовольно протянула Эдита Павловна. – Ковальский так за него бьется, будто этот глиняный горшок отыскивали в одной из египетских пирамид.

Теперь я знала, что Клим приехал за «Парижем». Знала. В груди подрагивала злость и настойчиво кашляла совесть – кхэ, кхэ, кхэ... Сколько бы я ни старалась относиться к случившемуся с равнодушием, ничего не получалось – Шелаев, как назло, достиг своей цели. «Мне все равно, все равно, меня это совершенно не касается...» – нараспев повторяла я и продолжала лететь на дно пропасти под названием «Очередное Предательство Дома Ланье на Радость Климу Шелаеву». Каждое слово обязательно с большой буквы!

«Когда же вы оставите меня в покое, когда забудете о моем существовании? Почему вы выбрали именно меня для своих игр и мести? Ваш отец любил мою маму...» Мысль оборвалась, и я почувствовала, как горят щеки, как сильно колотится сердце.

Но разве это сложно: взять и открыть правду бабушке? Нужно всегда делать то, чего враг от тебя не ждет – так почему бы и нет? Покосившись на Эдиту Павловну, я тяжело вздохнула и стала подбирать слова-проклятья, которые при случае можно было с удовольствием обрушить на голову Клима. «Возьму и скажу. Еще минута – и сделаю это».

Но я хранила молчание.

– Что с тобой? – спросила Эдита Павловна. – Душно?

– Немного, – ответила я.

– Наконец-то Ковальский получил свой кувшин, – она усмехнулась. – Какой лот следующий? Отлично, это не займет много времени.

Желая хотя бы немного отвлечься и развеселиться, я представила себя самой богатой женщиной планеты. Вот на продажу выставляют Тафта, я поднимаю руку, объявляю: «Сто миллионов долларов!» и добавляю: «Заверните, пожалуйста, картину и отправьте ее в дом Ланье».

А дальше?.. На чьей я стороне? На своей. Именно поэтому картину покупаю я, а не бабушка или Шелаев. «Ну, а дальше?» – настойчиво твердил внутренний голос.

«Если я отдам картину Эдите Павловне, значит, встану на ее сторону...»

Зачем Тафт написал этот «Коричневый Париж»? Почему он не увлекался желто-красными натюрмортами с яблоками, лимонами, виноградом и тыквой?! Что может быть лучше тыквы?

Я сжала губы и признала свое поражение. Все, что мне оставалось, – сидеть и ждать развязки (увы, роль явно не героическая). Но хуже всего было то, что я стала гадать, каким образом Шелаев победит Эдиту Павловну. «Он сравнил аукцион с театром... Почему?»

– Стартовая цена лота – сорок восемь тысяч, – донесся жизнерадостный голос аукциониста. – Есть ли желающие приобрести этот замечательный поднос?

– Надеюсь, что есть, – неслышно произнесла я, мысленно отодвигая битву за «Париж» еще минут на двадцать.

За последующие полчаса я узнала, что подносы не пользуются популярностью, зато столовые приборы, стулья и бюро вызывают живейший интерес. Эдита Павловна стала раздражительной и еще более нетерпеливой, я постоянно ловила себя на том, что вновь и вновь поворачиваю голову в сторону Шелаева.

Клим сохранял спокойствие. Он тоже смотрел на меня, но его взгляд ничего не выражал, лишь пару раз быстрая улыбка скользнула по лицу.

– Дорогие дамы и господа, наконец-то настал момент, когда я могу представить жемчужину сегодняшнего аукциона – картину Теодора Тафта «Коричневый Париж». – Аукционист произнес эти слова бодро, с гордостью и предвкушением общего оживления, наверное, ему самому наскучило предлагать кувшины, ложки и натюрморты. – Стартовая цена лота – два миллиона двести. Есть желающие приобрести картину?

Желающие были – я это знала, но сразу они не собирались вступать в бой.

– В такие моменты я люблю наблюдать за людьми, – тихо произнесла Эдита Павловна и прищурилась. – Они всегда очень стараются... Глупо. Напрасно.

«Какое совпадение, – проскрипел угрюмый сарказм. – Шелаев тоже любит наблюдать за людьми».

– Вы никому не уступите картину? – услышала я свой голос.

– Конечно, нет, – усмехнулась бабушка.

Я откинулась на спинку стула и коротко вздохнула – пожалуй, я не смогла бы объяснить, какие чувства металась и переплетались в моей душе. Я замерла, приготовившись к худшему...

* * *

Эдита Павловна вступила в бой, когда цена дошла до восьми миллионов. И это было знаком для всех – пора опустить руки и отдать Тафта дому Ланье, хватит сражаться, исход теперь ясен.

Дольше всех продержались плечистый мужчина в розовой рубашке и недовольная остроноса дама, сидящая неподалеку от нас. И вот, наконец, противники сдались и сложили оружие.

– Двенадцать миллионов пятьсот раз, двенадцать миллионов пятьсот два... – с удовольствием протянул аукционист, глядя на Эдиту Павловну, – двенадцать...

– Тринадцать, – спокойно произнес Клим Шелаев.

Я сжалась и превратилась в ледышку, мечтающую растаять и испариться от желтого света низких люстр. Сцепив пальцы, неожиданно ощутила запах сигарет и терпкого парфюма. С трудом перечеркнув это наваждение, я покосилась на бабушку. Лицо Эдиты Павловны сияло гневом и торжеством. Она любила, бесконечно любила своих врагов (в отличие от меня) и наверняка считала эту минуту превосходной. Более чем превосходной!

«Интересно, чем все закончится?» – задалась я своевременным вопросом, чувствуя в душе невесомость. Да, я могла лишь повиснуть в воздухе, чтобы случайно не коснуться ни участка пола, на котором расположился Клим, ни того места, где восседала бабушка.

– Тринадцать пятьсот, – трескучим голосом произнесла Эдита Павловна. Я знала, они не станут пользоваться еле заметными знаками – они будут громко и четко произносить свою цену, потому что на войне как на войне. – Посмел-таки, щенок, – прошипела бабушка. – Что ж, не будем мелочиться. И на что только надеется? – добавила она с усмешкой.

«Вообще-то Клим надеется повесить Тафта у себя дома».

– Не знаю, – тихо произнесла я в ожидании чувства вины и ста кругов ада. Я бы солгала, если б сказала, что в этой ситуации мне удалось сохранить спокойствие, что я равнодушна и действия Клима, а также реакция бабушки меня совершенно не интересуют.

«В рай после смерти я не попаду. Это точно, – вздохнув, я заставила себя смотреть только прямо. – Страшные черти будут жарить меня на сковородке, и все благодаря Шелаеву. О, как они будут меня жарить!»

Коснувшись ожерелья, я сделала провальную попытку успокоиться.

– Четырнадцать.

– Отлично! – порадовался аукционист и с уверенной надеждой посмотрел на Эдиту Павловну.

Она кивнула:

– Четырнадцать пятьсот.

Самое лучшее, что я могла сделать, – это сосредоточиться на картине. Мне вдруг даже захотелось понять, из-за чего разгораются подобные страсти... Впрочем, они были бы равно такие же, если бы Эдита Павловна захотела купить столовую ложку или стул.

– Что он делает? – тихо спросила бабушка. – Клим вовсе не глуп и прекрасно понимает: картины ему не видать... Неужели он хочет...

– Вряд ли Шелаев желает вас обидеть, – на всякий случай выступила я с миротворческой миссией. С абсурдной миротворческой миссией.

Но Эдита Павловна, поглощенная раздумьями, меня не услышала.

Восемнадцать, девятнадцать, двадцать... Как же быстро повышалась цена, и как тихо было в зале. Все ждали развязки.

Поймав веселый взгляд Шелаева, я гордо отвернулась.

– Я знаю, чего он хочет, – сухо усмехнулась Эдита Павловна.

– Чего? – автоматически спросила я.

– Вытащить из моего кошелька побольше денег. Картина ему не нужна. Повышая цену, он... Как обычно называет подобную наглость твоя двоюродная сестра? Он «раскручивает» меня, вот как! – бабушка скривила губы, а затем бесшумно засмеялась. Серьги задрожали в ее ушах. – Да, Лера именно так бы и назвала происходящее. Что ж, мы оплатим ему той же монетой.

Наконец-то в моей голове стало светло и ясно. «Бабушка считает, что Шелаев просто хочет ее «немножко разорить», и, накрутив цену, он прекратит борьбу». Незначительный урон для семьи Ланье, но важен сам факт. То есть победителем окажется не тот, кто купил картину, а тот, кто заставил другого прилично потратиться.

– Двадцать четыре пятьсот раз, двадцать четыре пятьсот два...

Но я-то знала, Клим приехал на аукцион именно за картиной и специально выворачивает ситуацию таким образом...

– Двадцать пять, – небрежно бросил Шелаев.

Эдита Павловна вздохнула, выдохнула и расслабилась – ее мышцы больше не были напряжены, морщины на лице несколько разгладились.

– Он попадетсЯ в собственную ловушку, – еле слышно произнесла бабушка и добавила чуть громче: – Занавес нужно всегда опускать вовремя, Анастасия. Запомни это. Почти тридцать миллионов... Для Шелаева эта сумма не огромная, но он расстроится. Надеюсь, неприятный осадок останется надолго. – Бабушка кивнула аукционисту и произнесла громко: – Двадцать пять пятьсот.

Клим не производил впечатления человека, собирающегося расстроиться в ближайшее время (или еще когда-нибудь). Он рассчитывал именно на такой ход мыслей Эдиты Павловны: она отдаст ему картину, чтобы наказать. Шелаев получит Тафта! Но один момент все же усколь-

зал... Как Клим потом это объяснит и преподнесет? Что за смысл в подобном поступке, если Эдита Павловна будет считать себя победительницей?

– Двадцать шесть пятьсот, – объявил Шелаев.

– О! Тафт был бы вам признателен за такую любовь к его таланту! – наигранно воскликнул аукционист.

– Не сомневаюсь в этом, – улыбнулся Клим.

Эдита Павловна царственно повернула голову и посмотрела на Шелаева продолжительно и очень внимательно, будто пыталась понять, сколько он еще собирается вести игру. Он ей тоже улыбнулся, но сдержанно, чуть прищурившись.

– Двадцать семь, – произнесла Эдита Павловна и дотронулась кончиками пальцев до седых волос. – Еще немного, – сказала она мне.

Я все же должна была перейти на сторону бабушки (из двух зол...), но моя душа в эту минуту напоминала твердую шершавую косточку персика и отказывалась выбирать. Где-то внутри дрожала и дергалась ниточка, которую так хотелось отыскать, выдернуть и выбросить в окно. Но я подозревала, что она, как маленький упорный червячок, приползет обратно и вновь лишит меня покоя...

– Двадцать семь пятьсот.

– Двадцать девять, – сделала немыслимый рывок Эдита Павловна.

– Тридцать, – отбил Шелаев.

– Тридцать раз, тридцать два-а-а... – нарочно протянул аукционист, но бабушка отрицательно покачала головой. – Тафт «Коричневый Париж». Замечательная картина! О ней мечтают многие! Тридцать-а-а-а...

Эдита Павловна не шелохнулась.

– ...три. Продано!

По залу пронесся легкий гул голосов, скрипнули стулья, пролетел чей-то кашель... Накал спал – теперь обладатель городского мотива был известен. Наверное, многие гадали, почему непобедимая Эдита Павловна Ланье сдалась? Не в ее характере подобные поступки.

– Этот день вряд ли можно назвать плохим, – подвела итог бабушка и неторопливо поднялась со стула. – Хотя Тафт хорош, очень хорош... Тридцать миллионов. Возможно, стоило дойти до сорока, но это мелочи. – Она кивнула Шелаеву, посмотрела на «Коричневый Париж», сморщилась, будто увидела большую тарелку с нарезанными лимонами, и поплыла к выходу.

На первом этаже мы остановились около стойки администратора. Эдита Павловна взяла первую попавшуюся рекламную листовку, вынула из сумки ручку и размашисто написала на голубом фоне картинке: *«Ты глупо потратил деньги, мой мальчик. Никогда не доверяй женщинам, носящим фамилию Ланье»*.

– Передайте Климу Шелаеву, – приказным тоном произнесла бабушка и протянула листовку администратору.

Я носила фамилию Ланье, и мне тоже нельзя было доверять. На миг я почувствовала себя роковой красавицей, способной устроить дворцовый переворот. «Ты его устроишь, однажды устроишь...» – раздался в голове неведомый голос.

Мне захотелось увидеть лицо Шелаева в тот момент, когда он прочитает записку, но, увы, такой возможности у меня не было.

Он расстроится? Нет.

Засмеется? Да, наверное, да...

* * *

Мобильный телефон разрывался от смеха Симки, я даже немного отстранила его от уха, чтобы не оглохнуть. Глупо же глохнуть в восемнадцать лет.

- Так и написала?
- Да, – заверила я, удобнее устраиваясь на диване.
- Теперь я буду тебя бояться.
- Может, она имела в виду только семидесятилетних женщин по фамилии Ланье.
- Очень в этом сомневаюсь!

В который раз я подумала о том, что хорошо иметь подругу. Симке я могла рассказать не все (абсолютная откровенность мне никогда не давалась), но о непростых отношениях с Шелаевым она знала. Про разговор с Климом я бессовестно умолчала, однако битва за Тафта была изложена в красках и лицах. Симку очень развеселила записка Эдиты Павловны, и она долго не могла успокоиться.

– Я тебе завидую! По-доброму, конечно, – выдохнула подруга и пояснила: – У меня тут скука смертная, а у тебя такая бабушка и плюс враг семьи. Кстати, он на тебя обращал внимание? Ты трепетала? – Последний вопрос Симка произнесла деловито и, мне показалось, с тайной надеждой. Наверное, ее скука развеялась бы окончательно, если бы стало известно, что я по уши влюбилась в такого человека, как Клим Шелаев. Но все же за деловитостью пряталось веселье, Симка обладала уникальной способностью и в плохом находить хорошее – ее несокрушимый оптимизм мог сдвинуть горы.

«Ты трепетала?» – мысленно задала я себе вопрос, тоже перемешивая серьезность с иронией. «Ни одной секунды, – пролетел ответ. – Но понервничать пришлось».

Симка опять была готова предположить, что я нравлюсь Шелаеву, но я не дала ей повода.

– Пару раз он смотрел на меня. Весьма довольный собой. Этот человек везде чувствует себя как дома... Ничего не боится, ни о чем не волнуется. Давай не будем о нем говорить.

«Я не трепетала», – зачем-то повторила я и крепче сжала трубку, вспоминая аукцион.

– Ладно, – выпалила Симка. – Тогда давай поговорим о Тиме. Когда он приезжает?

О, эта тема была куда приятнее и интереснее...

– Послезавтра.

– Ждешь?

– Ага.

– Нервничаешь?

– Немного.

– Отлично!

Я представила, как увижу Тима, как он возьмет меня за руку и... И приняла твердое решение позвонить ему (я должна преодолеть душевный барьер, должна стать смелой). Еще немного, и мы увидимся... Мы сможем встречаться хоть каждый день!

– А что ты будешь делать, если о ваших отношениях узнает Эдита Павловна? – вопрос Симки спустил меня с небес на землю.

– Надеюсь, пока не узнает, я не хочу, чтобы у Тима были неприятности.

– А все же? Если она скажет: «Выбирай – или он, или дом Ланье»?

– Я выберу Тима.

– И уйдешь с ним куда глаза глядят? – весело спросила Симка.

– Да, – твердо ответила я.

– Ну ты даешь! Но вообще-то я не удивлена. Ты такая. Именно такая.

– Какая?

– Упертая и настоящая, – торжественно произнесла Симка.

Я лишь улыбнулась в ответ. С упертостью Эдита Павловна согласилась бы точно. К этому моему качеству она относилась двояко: иногда сильно раздражалась и даже гневалась, иногда оставалась довольной (задерживала взгляд, кивала, подчеркивала, что я Ланье). Наверное, огромное значение имело то, в какую сторону была направлена данная черта характера. «И Клим Шелаев тоже считает меня такой...»

К вечеру погода испортилась, я устроилась с книгой у окна, но не столько читала, сколько смотрела на небо, на лужи, изучала струйки дождевой воды, стекающей по стеклу. За ужином я особо ничего не ела, и к десяти часам голод дал о себе знать. Спустившись на первый этаж, я встретила Нину Филипповну и мгновенно превратилась в Шерлока Холмса.

Так. Моя тетя ушла из дома три часа назад пешком... Идет мелкий дождь, в ее руках нет зонта, синий плащ практически сухой... «Она встречалась с Брилем, – сдержала я счастливую улыбку. – И он подвез ее почти до дома».

– Добрый вечер, Настя, – произнесла Нина Филипповна, остановившись. – Кажется, я забыла снять плащ...

– Добрый вечер, – ответила я, не удивляясь ее растерянности.

– Дождь...

– Да.

Она развернулась и вышла из зала, а я отправилась в кухню, приготовила горячий чай и отрезала кусок мудреного пирога с соленым творогом и шпинатом. Мне было о чем подумать, например, о том, как быстро все меняется и переворачивается с ног на голову. Раньше Нина Филипповна была несчастна и даже не надеялась на любовь Льва Александровича Бриля, а теперь... Всего один танец, несколько минут, и она рядом с близким и дорогим человеком. Возможно, в моей жизни тоже произойдут перемены. Перемены, о которых я пока не подозреваю... «Интересно, куда Шелаев повесил «Коричневый Париж»? Наверное, на самом видном месте... Победа над Ланье». Я попыталась прогнать прочь эти мысли, но они крепко застряли в голове, и стереть их или зачеркнуть оказалось не так уж просто. А все потому, что каждой клеточкой тела я чувствовала – это не конец истории. Должен быть еще последний аккорд, и сделает его именно Клим.

Хорошенько объевшись, дочитав книгу, я после чая отправилась в библиотеку. Спать совершенно не хотелось, дом казался пустынным.

Я никого не ожидала встретить, однако комнату, заставленную шкафами, освещал не только уличный фонарь, но и настольная лампа. Она распространяла по полкам и полу сочный желто-зеленый свет и сразу притягивала внимание к себе.

Закинув ногу на ногу, в кресле сидела Кора. В одной руке она держала тонкую длинную коричневую сигарету, в другой – широкий бокал с коньяком. Бутылка с черно-золотой этикеткой стояла на краю журнального столика.

Волосы тети были собраны в высокий хвост, шею украшало ожерелье из крупного жемчуга, на длинном белом махровом халате виднелись следы пепла. Я сразу поняла, что она... м-м... выпила лишнего. Слишком насмешливым и презрительным был взгляд, слишком сильно блестели серо-голубые глаза, слишком расслабленной казалась поза.

– Анастасия, – едко протянула Кора. – Надежда дома Ланье... – Она засмеялась и втянула сигаретный дым, который по обычаю имел вишневый аромат и, наверное, такой же привкус. – Пришла за новой книгой? Все читаешь? – иронично осведомилась она. – Вряд ли этот тяжкий труд принесет тебе счастье, моя дорогая. – Кора сморщила нос и качнула ногой. – Не могу понять, что все в тебе находят... – Она фыркнула и резко потребовала: – Отвечай!

– Я пришла вернуть книгу, – просто сказала я, не сомневаясь, что тетя ждала чего-то другого. Вряд ли можно было понять, чего именно...

Но моей смерти – быстрой и мучительной она хотела уж точно.

Подойдя к нужной полке, я сунула книгу между двух других. Кора следила за каждым моим движением, и мне, честно говоря, захотелось как можно скорее уйти.

– Маленькая хитрая соплипка, – равнодушно произнесла она, оглядев меня с ног до головы. – Наверняка хочешь получить большой кусок пирога под названием «Ювелирный Дом Ланье»...

– Вы ошибаетесь, – тихо перебила я.

– Да? – Губы Кора растянулись в улыбку. – А скажи-ка, Анастасия, нет ли у тебя случайно денег? Два миллиона долларов меня бы вполне устроили. – Она помолчала, насладившись моим затянувшимся онемением, откинулась на мягкую спинку кресла и захохотала. Чем дольше Кора смеялась, тем жестче становился ее смех. У меня в ушах сначала зазвенело, а потом зашумело. Встретившись со мной взглядом, Кора гневно швырнула бокал в стену (осколки полетели во все стороны) и гневно крикнула: – Убирайся отсюда! Немедленно!

Библиотеку я покинула с огромным облегчением, гадая, как у Эдиты Павловны могли родиться настолько разные дочери.

Глава 4

Почетный гость и свидание с Тимом

Во вторник я мужественно взяла мобильный телефон и набрала номер Тима.

В среду с раннего утра я усиленно ждала его возвращения – наконец-то ремонт в загородном доме Эдиты Павловны закончился!

Открылась дверь, и он шагнул в зал. Мне стоило огромных усилий не сорваться с места и не броситься ему навстречу (пришлось покрепче вцепиться в перила, чтобы не совершить этот безумный, опрометчивый поступок). Нет, больше никого поблизости не было, но это не имело значения – в доме Ланье у стен наверняка есть большие уши и не менее большие глаза...

Я стояла на предпоследней ступеньке лестницы, изображая гордую принцессу, и смотрела на Тима. Уголки губ несколько раз дрогнули, и я все же улыбнулась до ушей, демонстрируя искреннюю радость. Теперь наши встречи станут частыми, и, наверное, мы будем целоваться... Почему бы нет? «И-и-и... почему бы не поцеловаться прямо сейчас?» Подавив приступ смеха, я поймала взгляд Тима. Он сделал еще несколько шагов и остановился напротив меня. Он был совсем рядом.

– Привет, Ланье. – Тим улыбнулся мягко, протянул руку, и наши пальцы переплелись.

Я бы сейчас прижалась к нему, положила руки на широкие плечи... Насколько же становится легче и спокойнее, когда он рядом... Мне не нужно воевать с ним, не нужно ничего доказывать, Тим знает, что в душе я угловатый богомол, которым, наверное, останусь навсегда. «Он мое спасение. Замечательное спасение...»

– Иди, – тихо сказала я, – скорее иди к себе.

И стала представлять, как Тим сначала поднимется на второй этаж, затем на третий, шагнет в свою комнату, небрежно бросит рюкзак на пол... Наконец-то мое одиночество в доме Ланье закончилось!

Тим встал на мою ступеньку, и наши плечи соприкоснулись. Мы стояли в линейку, только смотрели в разные стороны.

– Пойдем со мной, – весело предложил он. – Третий этаж не очень высоко, ты не устанешь идти.

Я понимала: Тим шутит, но к нашему непростому положению мы могли относиться только так – с долей иронии. Лучше даже не представлять лицо Эдиты Павловны в момент, когда она увидела бы нас, держащихся за руки, устремляющихся вверх...

– М-м... как-нибудь в другой раз, – сказала я.

Тим наклонил голову, и светлая прядь волос съехала на его лоб. Каким красивым и необыкновенным он показался мне. А еще – долгожданным, если, конечно, можно употребить это слово в данном случае. Я вдруг остро ощутила разницу в возрасте – пять лет, и она мне понравилась. Тим старше, сильнее.

– Ты уверена? – он широко улыбнулся.

– Иди быстрее, – прошипела я и быстро высвободила руку.

Он начал неторопливо подниматься по лестнице, а я закрыла глаза и так простояла почти минуту. Конечно, Тим целыми днями будет мотаться по Москве, выполняя бабушкины поручения, но это ерунда, главное – он рядом.

* * *

Теперь минуты казались особенно длинными, и, если бы не болтовня с Симкой по телефону, до обеда я бы не дотянула (умерла на радость Коре во цвете лет). К моему душевному

состоянию хорошо подходило только одно определение – болезненное. Я боялась выйти из дома, чтобы не пропустить появление Тима, и в то же время совершенно не могла усидеть на месте. «Ты теперь чокнешься!» – радостно пообещала Симка, и это меня почему-то успокоило.

Еще половина июля, затем август, и только потом начнется учеба в университете, которая избавит меня от такого огромного количества свободного времени, отвлечет и заполнит мозг важными, полезными вещами... Я уговаривала себя, смотрела на часы, вынимала из ящика прикроватной тумбочки малахит, вертела его в руках, убирала обратно. Я и не предполагала, что способна сойти с ума в одно мгновение.

Мобильник загудел, и я не поверила собственным глазам – звонил Тим.

– Привет.

– Привет. Зря ты не пошла со мной... На третьем этаже ужасно скучно, – он замолчал, и я почувствовала себя самой счастливой на свете.

– Должна тебе сказать, на втором этаже тоже скука смертная.

– Я так и думал. – Он наверняка улыбался!

– Тебя уже завалили работой?

– Да.

Мы поболтали минут пять, а затем попрощались, договорившись встретиться на какой-нибудь другой территории (как только появится возможность). Я надеялась, свидание случится уже этим вечером, и дальше время уже не тянулось, оно безнадежно остановилось.

– Анастасия, – раздался холодный голос Эдиты Павловны. – Чем ты занимаешься?

Бабушка стояла на пороге комнаты и внимательно смотрела на меня. Наверное, мой вид (я просто сидела на кровати, мечтала и не шевелилась) вызвал у нее недоумение.

– Ничем, – я пожала плечами, встала, выпрямилась и отметила, что Эдита Павловна одета как на светский прием. Темно-синее прямое платье с белоснежным воротником и иссиня-черные бусы из неровных крупных камней делали ее торжественной и строгой. Наряды Эдиты Павловны всегда были безупречны, хотя некоторые мне совсем не нравились.

Если бы бабушка узнала, о чем я думала и мечтала... Наверное, она бы испытала гневный шок, и цвет ее лица сравнялся бы с цветом платья.

– У нас сегодня гости, – произнесла Эдита Павловна и сухо улыбнулась. – Пожалуйста, надень что-нибудь светлое и приведи в порядок волосы. Анастасия, ты должна следить за своей внешностью, если не ошибаюсь, я говорила об этом неоднократно. – Эдита Павловна зашла в комнату и задумчиво нахмурилась. – У тебя бледный вид, ты совершенно не выходишь на улицу. Тебе нужно гулять.

Что-то таилось за этой заботой, но пока загадку не удавалось разгадать. Гости? В дом Ланье они часто приезжали, и это известие меня не сильно заинтересовало. Я не очень-то любила обедать в обществе бабушкиных знакомых, но пока еще не научилась избегать таких встреч. Увиливать хорошо получалось у Валерии. Наверное, это было то единственное, чему мне следовало у нее научиться.

– Хорошо, буду гулять, – легко согласилась я, представляя, как иду по улице за руку с Тимом. – Да, я точно начну гулять в самое ближайшее время.

Я остановила себя, чтобы не кивнуть сто раз подряд.

– Так какое платье ты выберешь? – спросила Эдита Павловна почти равнодушно.

– Серое.

– Ты слишком часто его надеваешь.

– Оно приличное.

– Приличное, – фыркнула бабушка и посмотрела на меня с интересом в глазах, словно увидела впервые. Темными тучами и светлыми облаками был наполнен ее пристальный взгляд. – Пожалуйста, надень бирюзовое.

– Хорошо.

Мне, по сути, было все равно, какое платье надеть. К бирюзовому я относилась вполне терпимо.

– Анастасия, ты совсем не носишь украшения, а между тем ты имеешь прямое отношение к Ювелирному Дому Ланье. Такое равнодушие недопустимо. Я не должна объяснять подобных вещей – они естественны и понятны. И я не должна напоминать...

– Они неудобные. Мешаются.

– Дело привычки. Если бы ты знала, Анастасия, сколько неудобств я претерпела в своей жизни, чтобы добиться соответствующего положения. Заметь, я не требую от тебя ничего сверхсложного. – Эдита Павловна многозначительно приподняла брови, развернулась и неторопливо направилась к двери. – Надень кольцо-цветок, и не будем спорить по этому поводу. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Кольцо-цветок? Дверь плавно закрылась, а я медленно опустилась на кровать, автоматически выдвинула нижний ящик тумбочки и достала серебристый футляр.

Подарок Шелаева.

Если, конечно, предмет сделки может так называться.

Но бабушка об этом не знает, иначе уже давно бы отправила его в доменную печь. Она бы купила печь, поставила во дворе и швырнула кольцо в жар огня, чтобы наверняка быть уверенной – цветок расплавился, погиб, исчез с лица земли. Клим предложил мне сделку, а я согласилась ради Нины Филипповны, и кольцо теперь у меня. Вот только бабушка полагает, что мне его по случаю знакомства преподнес Максим Матвеев...

Я открыла футляр и посмотрела на диковинный цветок, поразивший меня однажды. Три лепестка светлых, три черных и центральный камень... Черные и белые бриллианты – сверкающая безупречная красота, необъяснимая гармония, кропотливая, тонкая работа мастера... В душе опять задержалась какая-то ниточка, и меня потянуло вперед, но пальцы похолодели.

– Здравствуйте, Клим, – прошептала я. – Ни за что на свете... Ни за что на свете я не надену ваше кольцо. Даже не надейтесь.

Захлопнув футляр, я нарочно небрежно отправила его обратно в ящик и заходила по комнате. Не было причин, чтобы так разволноваться, но душа дрожала и металась из стороны в сторону, точно обезумевший маятник. Мысли о кольце (а тем более его вид) плохо действовали на меня, воспоминания сразу полезли из всех окон и дверей и набросились разом.

«Ну, Анастасия, смелее, что у нас нынче на кону?.. – донесся из недалекого прошлого голос Шелаева. – Договариваемся о следующем: я делаю так, что они танцуют, а ты оставляешь кольцо у себя навсегда. Идет?»

«Хорошо, я согласна», – вот что я ответила на вечере «Браво-Бис».

– Пусть бабушка гневается сколько хочет, но кольцо я не надену. Да, похоже, я опять ее разочарую...

Внутренняя твердость, уверенность, вызов сделали меня сильной и отчаянной. Я выросла приблизительно на два метра и уперлась головой в потолок. О, каким нерушимым показалось мне принятое решение, с каким бы удовольствием в этот момент я посмотрела в глаза Шелаеву! Но я знала, на его лице ни при каких обстоятельствах не появится тень разочарования. Победим ли он? Бывает ли ему по-настоящему тяжело? Может ли что-то причинить боль? Кем нужно быть, чтобы его обыграть или ранить? Наверное, ответа на эти вопросы не знала даже бабушка, иначе Клим Шелаев уже давно бы перестал представлять для нее интерес...

С волосами я мудрить не стала – расчесала и слегка заплела, – надела бирюзовое платье и спустилась в зал. Гости... Нет, гость. Сидел в кресле возле окна и разговаривал с Эдитой Павловной, удобно устроившейся на диване с чашкой чая.

«Максим Матвеев», – мысленно произнесла я и тяжело вздохнула. Если бы я могла заглянуть в бабушкины планы, пролистать их, прочитать, то наверняка бы в этот момент увидела

вокруг себя металлические прутья ловушки, из которой, как надеялась бабушка, я уже не выберусь никогда.

Максим Матвеев – владелец ювелирного бизнеса, неженатый мужчина, друг Клима Шелаева – очень нравился Эдите Павловне. Вернее, он ее устраивал по всем пунктам (конечно, кроме дружбы с врагом семьи, но это – пустяк). На вечере «Браво-Бис» я поняла: бабушка была бы рада, если б он обратил на меня внимание. И раз она считает кольцо подарком Матвеева, то... «Кхр-кхр-кхр-р», – услышала я, как скрипят пружины ловушки. В мыслях Эдиты Павловны он уже не только обратил на меня внимание, но и подчеркнул это дорожным украшением.

– Анастасия, мы тебя долго ждали, – с легким укором произнесла бабушка.

Матвеев быстро встал и сдержанно кивнул мне.

– Добрый день.

– Здравствуйте, – ответила я.

Голубые глаза смотрели на меня внимательно, по-доброму, и мне на миг показалось, что Максим Матвеев все понимает и он не на стороне Эдиты Павловны.

Мы сели.

Взгляд бабушки остановился на моей руке, и ее зелено-коричневые глаза заметно потемнели.

Да, я не надела кольцо, да, ослушалась и ни капельки не жалела об этом.

Более того – я разозлилась, потому что почувствовала на запястьях белые капроновые нитки, при помощи которых бабушка-кукловод собиралась управлять мной. Я представила себя с цветком на пальце перед Матвеевым и ощутила, как щеки окрасились в розовый цвет – большего стыда приключиться не могло! Как бы я выглядела в глазах Матвеева? А если бы об этом узнал Шелаев? Я ношу его кольцо... Наверное, он бы долго и самодовольно смеялся, подумав, что я не устояла перед бриллиантами – практически продала душу.

Эдита Павловна не заметила, какой взгляд я бросила на нее. Конечно, бабушка преследовала свои цели, но они были не лучше, чем намерения Шелаева. Допустим, кольцо подарил мне Матвеев, и вот я спускаюсь в зал, сверкая подарком... Па-ба-ба-ба!

Холодный пот прошиб меня второй раз. Дух противоречия взметнулся к потолку, захотелось при первом же удобном случае совершить что-нибудь... запретное! «На радость Климу Шелаеву», – прозвучало в голове, но я старательно проигнорировала последнюю мысль, не желая думать об этом человеке.

– Оказывается, Максим любит дождь, – сверля меня недовольным взглядом, вполне спокойно произнесла Эдита Павловна, – он назвал дождливую погоду романтической.

– Но в дождь я все же предпочитаю сидеть дома, – улыбнулся Матвеев.

– Я тоже, – посмотрев на него, вежливо произнесла я. Взяла с тарелки миндальное печенье и принялась есть с повышенным аппетитом.

Матвеев, конечно, не был виноват в происходящем, но я понятия не имела, что за человек сидит передо мной. Насмешливый? Хитрый? Лицемерный? Хищный? Интуиция, как назло, подсказывала: «Он хороший, не торопись...» Дурацкая интуиция мешала мне сердиться и ненавидеть того, кого бабушка хотела видеть моим мужем.

– К сожалению, романтики стало очень мало, молодежь интересуется другим... – продолжила начатую тему Эдита Павловна. Она вздохнула и улыбнулась. – Боюсь, я сейчас перейду на проблемы воспитания подрастающего поколения, а это весьма грустная тема.

– Не так уж все и грустно, – обнадежил Матвеев.

Он приблизительно был вдвое старше меня (старый, как сказала бы Симка), но выглядел хорошо и походил на голливудского актера, уставшего от многочисленных съемок. Ямочка на подбородке смягчала черты его лица. Ровный голос, достоинство, уверенность... Я изучала его и пыталась найти хоть какую-то малоприятную черточку, но не находила!

Матвеев протянул руку, взял с кофейного столика чашку и сделал глоток.

– Я бы поехала за город, – произнесла Эдита Павловна. – Последнее время мне не хватает простора и покоя. Летом нужно как можно больше отдыхать. Ты собираешься куда-нибудь?

– Нет, – Матвеев покачал головой, вернул чашку на столик и устало откинулся на спинку кресла. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки. Он поправил серый с отливом галстук и добавил: – Слишком много дел, да и не хочу.

Эдита Павловна тоже поставила чашку на столик и сначала посмотрела с неодобрением на печенье (видимо, оно ей не понравилось), а затем опять на мою руку. Руку без кольца.

– Да, я знаю, как тяжело оторваться от работы, – ровно произнесла бабушка, подняла голову, сощурилась и обратилась ко мне: – Максим привез приглашение к Абакшиным, мы обязательно поедем.

Эта фамилия мне ни о чем не говорила, и мысленно (из вредности и мести) я сто раз ответила: «Не поеду».

– У Веры Григорьевны очень красивый сад. Уверен, вам, Анастасия, он понравится, – пообещал Матвеев.

– Максим, я надеюсь, ты познакомишь Настю с этим садом. Она всегда скучает, слушая наши «пожилые» разговоры, – Эдита Павловна усмехнулась. – Хотя я считаю, что иногда очень полезно послушать, о чем говорят люди постарше. Особенно такие люди, – она подчеркнула последние слова.

– Буду рад, – заверил Матвеев, и на его лице появилась сдержанная улыбка.

– Я не люблю сады, – тихо ответила я, приготовившись умереть на месте от гнева бабушки.

– Ничего страшного, – махнув рукой, сказала Эдита Павловна и как ни в чем не бывало поменяла тему: – Я собираюсь продавать дом, тот, что рядом с Голицыном. Он мне совершенно не нужен. Слишком маленькие окна, давящие потолки и бестолковый участок. Пятнадцать лет назад мне понравилось окружение, но потом понастроили коттеджей... Совсем не то. – Она нахмурилась и после короткой паузы продолжила разговор с Матвеевым о недвижимости.

Я почувствовала себя нарочно забытой, и изображала стопроцентное равнодушие. «Как бы я выглядела сейчас, если бы надела кольцо...» – эта мысль не отпускала и требовала мести. Кровожадные мысли о варварском разорении чудесного сада Абакшиных веселили меня целых десять минут.

* * *

Любовь дает силы. Любовь... Я торопилась назвать свои отношения с Тимом этим важным и громким словом и в то же время останавливала себя.

«Любовь не приходит так скоро, – старалась я размышлять по-взрослому, распахивая дверцы шкафа, – нельзя торопиться, нужно быть осторожной. Потому что, даже если произнести это слово тихо, оно все равно прозвучит достаточно громко... Эдита Павловна точно услышит, в какой бы части дома она ни находилась. А еще есть любовь с первого взгляда. Но это не про нас, потому что мы с Тимом знакомы уже несколько лет... То есть прошло много времени...»

Я старалась заблудиться в путаных мыслях. Вряд ли получилось бы объяснить, зачем мне это нужно. Бабушка в очередной раз подыскивала мне мужа («достойного» и удобного ей), а я стремительно и нервно собиралась на свидание с Тимом: натягивала джинсы, футболку, кофту и пыталась отвлечься от предстоящей встречи.

Если бы Максим Матвеев походил на Клима Шелаева, мне было бы гораздо проще и спокойнее. Пусть это звучит странно. Нет, я не верила, что нравлюсь ему или могу понравиться – мы люди с разных планет, и к тому же между нами огромная разница в возрасте... Но там, где

речь идет о сделке, чувства никому не интересны. Матвеев слишком пристально смотрел на меня, и в его молчании было что-то непонятное (словно он изучал меня). И при этом я ничего плохого сказать о нем не могла, более того, он казался хорошим человеком. Даже очень.

«Хороший человек вряд ли стал бы водить дружбу с Эдитой Павловной», – съехидничал неведомый голос.

«А у них общие дела. Ювелирные, – оправдала я Матвеева. – Даже Кора на «Браво-Бис» отзывалась о нем... м-м... положительно».

«Да, и она что-то там говорила о его любовницах».

«Ничего особенного она не говорила».

Улыбнувшись дурацкому разговору с самой собой, я застегнула молнию белой вязаной кофты, попыталась взбить волосы, как обычно делают актрисы и певицы, и, не получив никакого результата, вышла из комнаты. Не было нужды красться на цыпочках или постоянно оглядываться – мы с Тимом договорились о встрече в небольшом парке, расстояние до которого измерялось пятью автобусными остановками. Но мне хотелось. Я очень нуждалась в веселье, приключениях и дополнительной остроте ощущений. Казалось, острее и не придумаешь (я вздрогнула, увидев Кору, спускающуюся по лестнице), но все же, все же... Душа требовала удивительного книжного счастья, и в эту минуту мне бы хватило смелости поцеловать Тима первой.

– Я не опоздала, – сообщила я, когда между нами осталась лишь пара метров.

– А я не смотрел на часы. – Он улыбнулся и сократил расстояние, сделав широкий шаг. – Я просто нетерпеливо ждал.

Наверное, Тим относился к погоде со здоровой порцией равнодушия. Его ничуть не беспокоило, что к вечеру еще больше похолодало. Джинсы, синяя спортивная майка, кроссовки – вот и вся одежда. И он не мерз – абсолютно точно! Был спокоен и расслаблен.

В этот момент Тим мне напомнил Славку Шамана – одного очень хорошего деревенского парня... Разные внешне, они между тем походили на скалу, способную защитить от любого ветра. Воспоминание детства, исчезнувшее почти сразу.

Тим погладил меня по щеке, я тоже подняла руку и дотронулась до рисунка на майке, закусил нижнюю губу и робко заглянула в его глаза. Вряд ли я дышала в этот момент, наверняка остановилось сердце и душа превратилась в ватное облако...

Тим наклонился и коротко поцеловал меня в губы. Я ответила тем же.

– Пойдем? – спросил он.

О, я на своих негнущихся ногах была готова идти куда угодно!

Мы три раза обошли парк, наелись холодных пончиков, выпили невкусный кофе, насмотрелись на дождь, спрятавшись под грибом детской площадки, наговорились о пустяках. Я чувствовала себя резко повзрослевшей и даже опытной, хотелось, чтобы люди смотрели на меня. Вернее, на мое знакомое и незнакомое счастье.

Глава 5

Испорченный завтрак, или Очередной ход Клима Шелаева

– Почему без нас завтрак может начаться, а без бабушки нет? – Валерия раздраженно побарабанила пальцами по столу и скривила губы. – Я бы сбежала отсюда, но не с кем. – Она помолчала, затем чуть подалась вперед и доверительно сообщила: – Я замуж хочу.

Честно говоря, я не знала, что Лере сказать. Я даже не всегда могла понять, нуждается моя двоюродная сестра в ответах или нет.

– Замуж нужно выходить по любви, – ответила я искренне и банально.

– Представь себе, я не собираюсь с тобой спорить! – Хмыкнув, она принялась раскачиваться на стуле и заодно мучить салфетку. – Но полюбить – вообще не проблема. Со мной это случалось миллион раз. Нас окружает столько мужчин, и каждый второй – красивый и богатый... Надеюсь, ты не будешь это отрицать? Или ты по своей монашеской привычке не замечаешь мужчин?

– Я замечаю.

– Ты любишь Павла. Признавайся?

– Нет.

– Почему-то я тебе не верю... И не верю уже давно! – Валерия вновь побарабанила пальцами по столу. – Как же все непросто. – Нахмурившись, она возвела глаза к потолку. – У меня такое чувство, будто я многое теряю. Черт! Где бабушка? Мне все надоело, я хочу куда-нибудь поехать!

С самого утра, поругавшись с матерью, Валерия бубнила и ворчала. Причина ссоры была неизвестна, но, кажется, все упиралось в деньги, потому что моя двоюродная сестра несколько раз произнесла две сногсшибательные фразы: «Я устала ходить в обносках» и «У всех моих знакомых дур давным-давно есть машины».

– А я никуда ехать не хочу, – твердо ответила я, думая о Тиме.

– Ах, ах, ах... Если ты кого-то собираешься этим удивить, то зря стараешься, – едко ответила Лера. – Ты известная зануда.

Но ссориться она не хотела, поэтому развивать тему дальше не стала, посмотрела на часы и подперла щеку кулаком. Часы тикали, и минуты три мы, замерев, ждали бабушку. Затем Лера поднялась, громыхнув стулом, подошла к окну, взяла с дивана газету, наверное, оставленную ее отцом, и вернулась за стол.

– Ну, и что у нас нынче происходит? – Она принялась читать, но очень быстро это занятие ей наскучило. – Фигня какая-то. – Лера небрежно отправила газету на край стола. – Я мечтаю стать известной актрисой – пусть бы про меня писали в газетах и журналах! Когда-нибудь я получу часть Ювелирного Дома и уж тогда... – Вот теперь на лице Леры появился румянец счастья и удовольствия. Она расслабилась, размякла и превратилась в кошку черной масти. – Не знаю, возможно, я и буду управлять семейным бизнесом, все же речь идет о бриллиантах. – Лера наклонила голову набок. – Или выберу полную страстей жизнь актрисы. Да. Почему бы и нет? А с мужем разведусь, он наверняка захочет наложить лапу на мой капитал...

– Ты, пожалуй, сразу не разводишься, – еле сдерживая улыбку, серьезно произнесла я.

– Уж как-нибудь разберусь без тебя. Черт, черт, черт! Почему сейчас нельзя получить эти деньги? Хотя бы сотую часть!

Лера мечтала о наследстве, которое должна получить после смерти Эдиты Павловны. И, похоже, она мечтала о нем давно и вдохновенно... Наверняка первые десять миллионов уже были расписаны и потрачены.

Я не собиралась поддерживать этот разговор и предпочла, чтобы моя двоюродная сестра вернулась к теме «Как же много вокруг нас красивых и богатых мужчин», раз уж другое ее

совершенно не интересовало. Пока она бы мечтала о скором замужестве, я бы спокойно думала о Тиме и вспоминала вчерашний вечер...

– Наконец-то, – тихо буркнула Лера, когда в столовую вошла живая, здоровая, полная сил Эдита Павловна в сопровождении Нины Филипповны.

Мы ели пудинг, яйца пашот и маленькие бутерброды с пресным сыром и зеленью. Во мне проснулся аппетит, и я завтракала с удовольствием. Худеющая Лера, наоборот, долго раскладывала блюда на составляющие, строила горки из того, что можно и что нельзя, явно злилась, мужественно съела только зелень и яйцо и выпила три чашки кофе.

– Мне кажется, – приподнимая брови, произнесла Эдита Павловна, – диета на тебя плохо влияет. Ты стала раздражительной, моя дорогая. Посмотри на Настю, она сегодня хорошо ест и, надо сказать, прекрасно выглядит.

– Она тощая от рождения, и это несправедливо, – ответила Лера. – Кости торчат вот здесь и здесь. – Она ткнула пальцем в собственную ключицу, а затем указала на ребра.

К сожалению, я не могла объявить всем, что мое прекрасное внутреннее состояние (видимо, повлиявшее и на внешнее) зависит от того, как близко или далеко находится Тим... Бабушка бы поперхнулась яйцом. Валерия не простила бы мне счастья, ее не утешило бы даже то, что мой избранник не богат.

– Нина, дай мне газету, – проигнорировав выпад Леры, попросила Эдита Павловна и отодвинула пустую чашку. – Сегодня придет ювелирных дел мастер – Кожемякин Федор Сергеевич. Анастасия, это очень уважаемый, умный и достойный человек. Я знаю его много десятков лет...

– Почему ты говоришь об этом ей, а не мне? – напряглась Лера.

Эдита Павловна помедлила, точно предстояло принять непростое решение, и ответила:

– И тебе тоже, Валерия.

– Отлично, зачем он к нам приезжает? – Лера явно повеселела. – Сколько ему лет?

– Боюсь, я тебя огорчу, – со скрытой иронией произнесла бабушка. – Федору Сергеевичу девяносто один год, а приезжает он для того, чтобы поговорить с вами о ювелирных украшениях.

– Девя-нос-то-о оди-и-ин год? – Глаза Леры округлились. – Вообще-то я не против, чтобы он пообщался только с Анастасией, – хихикнула она и посмотрела на меня с многозначительной жалостью. – Этот человек нас познакомит с какими-то ювелирными делами? Мы будем рассматривать камни? – В ее голосе резко появились нотки заинтересованности.

– Да, – коротко ответила Эдита Павловна и, разворачивая газету, обратилась ко мне: – Анастасия, а ты почему молчишь?

– Она язык от счастья проглотила, – прокомментировала Валерия.

– Лера, – одернула племянницу Нина Филипповна.

Я ничего не имела против обучения, но ювелирный мир меня совершенно не манил. В отличие от Леры, я не представляла себя управляющей салоном (хотя неизвестно, кем она себя представляла) – в блеске бриллиантов с трудом можно было найти что-то хорошее. Из вредности и в качестве мести за эпизод с кольцом-цветком мне хотелось сказать «нет», но я воздержалась. Вспомнилось, как мы с Эдитой Павловной ездили в главный салон Ювелирного Дома, где я чуть не ослепла от блеска драгоценных камней... В тот день я познакомилась с Максимом Матвеевым и впервые увидела кольцо-цветок.

– Я не против.

– Она не против, – тихо усмехнулась бабушка и посмотрела на меня. – Анастасия, это твое будущее, рекомендую проявлять большую заинтересованность.

– Бабушка, давай устроим вечеринку, прошу тебя, – заканючила Лера. – Когда у нас последний раз были гости? Я хочу танцевать. Летом всем невыносимо скучно!

– Лето тоже можно потратить на повышение собственного образования, – возразила Эдита Павловна, – было бы желание.

Она вдруг сильно сжала края газеты и скривила губы. На газете появились бумажные морщины, буквы подпрыгнули от страха и собрались кучками. Затем я увидела, как дрогнули, вспыхнули щеки бабушки, на лбу запульсировала жилка, а из глаз посыпались огненные молнии.

– Шенок, – процедила Эдита Павловна, и ее взгляд повторно заскользил по строчкам.

Нина Филипповна аккуратно положила чайную ложку на блюдце и почему-то вопросительно посмотрела на меня. Я пожала плечами, хотя в груди уже подрагивал ответ на невысказанный вопрос. «Шелаев, Шелаев, Шелаев», – заколотилось сердце, давая подсказку, волнуя, разрушая внутренний покой. Но что же он сделал? Что сотворил на этот раз? Впрочем, разве я не ждала скорой бури, разве не предчувствовала ее появления?

– Шелаев, – подтвердила мои догадки Эдита Павловна, произнесла фамилию с тяжелым кипучим гневом.

– О нем пишут в газете? – осторожно спросила Нина Филипповна.

– А что пишут?! – выпалила Лера, переключив внимание с калорийного и запретного круассана на бабушку. Клим вызывал у нее живейший интерес, и она была готова аплодировать любому его поступку. В отличие от меня.

Эдита Павловна потратила полминуты на восстановление душевного равновесия. Ее глаза все еще сверкали молниями, но выражение лица стало прежним. Мне показалось, что в этот момент она бы легко пристрелила Клима Шелаева, написала какую-нибудь записку для полиции и небрежно бросила ее на бездыханное тело. Например: «Долго не ищите. Его убила я – Эдита Павловна Ланье».

– Оказывается, – подчеркнуто спокойно начала бабушка, – Клим Шелаев очень добрый человек, склонный к широким благотворительным жестам. – Она выдержала паузу и добавила: – Картину Теодора Тафта «Коричневый Париж» он подарил Ханты-Мансийской галерее.

Я сжала край стола и услышала громкое уханье собственного сердца, оно уже не повторяло фамилию Клима, оно выросло, стало тяжелым и теперь с трудом помещалось в груди.

– Что за «Париж»? – с любопытством поинтересовалась Лера, но на ее вопрос никто отвечать не собирался. Эдита Павловна не снизошла, а мы с Ниной Филипповной слишком хорошо понимали, насколько тема болезненная и что может за всем этим последовать.

– Ханты-Мансийской? – уточнила Нина Филипповна, точно сомневалась в возможности такого поступка Шелаева.

– Ты прекрасно слышала! – вновь теряя контроль над собой, прогремела Эдита Павловна и хлестнула жестким взглядом по мне. Но я к этому террористическому акту не имела никакого отношения и к тому же еще не успела до конца понять и проанализировать поступок врага дома Ланье.

«Ну, подарил и подарил, – добавляя словам легкости, «заговаривая больной зуб», мысленно протянула я. – Люди же иногда занимаются благотворительностью, а...»

– Анастасия! – Бабушка как-то слишком медленно опустила руки на стол. Газета прикрыла часть узора на скатерти и коснулась белоснежного блюда.

– Да?

Эдита Павловна смотрела на меня долго и неотрывно, но, увы, не представлялось возможным прочитать ее бурлящие мысли. Я догадалась: она считает меня виноватой, но при этом не знает, в чем именно моя вина. Интуиция?

В мою сторону полетела тончайшая черная стрела, но Эдита Павловна моргнула, и стрела упала на стол. Причин убивать меня пока не было, но я почему-то оказалась на линии огня. Случайно? Нет, все же интуиция... На лице бабушки появилось замешательство, она пришла в себя и поняла, что напрасно повысила голос – по поводу случившегося ко мне не могло быть

никаких претензий: на аукционе я не уступала картину Шелаеву и не отвозила ее в Ханты-Мансийск.

– Почему мне никто ничего не объясняет? – раздраженно осведомилась Лера.

– Мама, Клим наверняка... – начала Нина Филипповна, желая сгладить взрывоопасную ситуацию.

– Ты собираешься его защищать? – грозно спросила Эдита Павловна. – Он сделал все, чтобы я не купила Тафта, и после этого нарочно, с шумихой в прессе, отправил картину за тридевять земель!

Желая дотронуться до камней и несколько успокоиться, она коснулась шеи, но бус не было – сегодня к завтраку бабушка их не надела.

– Мама, мне кажется, тебе не стоит обращать на это внимания, – сохраняя спокойствие, мягко ответила Нина Филипповна. – Между вами часто бывают подобные... – она замолчала, подыскивая правильное слово, – моменты.

– Моменты? – резко спросила Эдита Павловна. – Клим Шелаев позволяет себе слишком много! Он забывает, с кем имеет дело, но у меня хорошая память. – Поднявшись из-за стола, швырнув газету прямо на чашку (та отчаянно подпрыгнула и звякнула), Эдита Павловна превратилась в огромную нерушимую гору. – Я хотела купить картину. Она мне понравилась, и Шелаев знал об этом, дьявол бы его побрал! – В глазах бабушки появилось адово пламя. – Еще одна выходка, и Клим никогда не переступит порог дома Ланье, и, возможно, это будет самое меньшее из тех зол, которые посыплются на него следом... Нина, вызови Бриля. И, пожалуйста, поскорее.

Она ушла, оставив после себя черную тучу. Туча зависла под потолком и никуда двигаться не собиралась.

«Когда-то Эдита Павловна разорила отца Клима, способна ли она сделать то же самое и с ним?» – подумала я, и ответ появился сразу. Способна. Что ее остановит? Собственно, Эдиту Павловну может остановить только одно – бабушка любит своих врагов и вряд ли захочет потерять одного из самых значимых и... интересных. Последнее определение мне далось с трудом, но я все же должна была отдать должное Шелаеву – он умел строить такие шахматные комбинации, что голова шла кругом. И да, ухало сердце.

– Что он сделал? Да объясните же мне! – в который раз потребовала Валерия.

– На аукционе Клим купил картину, которую хотела купить твоя бабушка, – ответила Нина Филипповна, тоже поднимаясь из-за стола.

Она не выглядела расстроенной, будто происходящее в этом доме вдруг перестало держать ее в крепких и жестких объятиях. И в голосе моей тети не было осуждения – она не винила Шелаева. Я уже давно подозревала, что к Климу она относится хорошо, и это меня удивляло... Но разве Нина Филипповна не могла заблуждаться?

Правда, в эту минуту я тоже не винила Шелаева. Я чувствовала себя наблюдателем, зрителем, купившим билет на премьеру. Премьеру откладывали, откладывали, и вот она наконец состоялась.

«Коричневый Париж» отправился в Ханты-Мансийск. Клим раскрыл карты и одержал победу: ему не нужна была картина, и на аукционе он вовсе не собирался вытрясти из Эдиты Павловны побольше денег. Я вспомнила наш разговор около зеркала – Шелаев рассчитывал на такой ход ее мыслей.

«– У нее гораздо больше денег.

– Именно потому она ее сегодня не купит. Тебе нужно чаще бывать на аукционах – это театр, где особым удовольствием является наблюдение за людьми».

Клим просто обвел Эдиту Павловну вокруг пальца и лишил возможности повесить работу Тафта на одной из стен дома Ланье. Своим поступком и статьей в газете Шелаев будто бы говорил: «Мне совершенно плевать на потраченные деньги, мне ничего не стоит выбросить

на ветер тридцать миллионов – я вполне могу себе это позволить лишь ради нескольких минут удовольствия. Эдита Павловна, спуститесь с небес на землю, у вас не получилось меня наказать. Напротив, я наказал вас. И пусть «Коричневый Париж» едет в далекие дали, он для меня ничего не значит».

– Не понимаю... Если бабушка хотела эту картину купить, что же ей помешало? Денег, что ли, не хватило? – пошутила Лера и засмеялась. – С каких это пор у Шелаева денег больше, чем у Ланье?

– Не больше, – коротко ответила Нина Филипповна, стараясь закончить разговор. Она хотела добавить еще что-то, но передумала, лишь покачала головой и бросила на меня короткий взгляд.

* * *

Бриль приехал через полчаса. Каждый его шаг сотрясал дом, ироничный голос покачивал люстры зала, широкая улыбка обещала решение всех проблем и даже – мир во всем мире. Он поздоровался со мной, весело подмигнул Нине Филипповне, от чего ее лицо заметно порозовело, и несколько минут потратил на разговор о погоде. Словно на втором этаже его не ждала сама Эдита Павловна Ланье, словно она не могла гибнуть от какого-то страшного известия.

Лев Александрович был одет в голубую медицинскую форму, а это означало, что он в очередной раз бросил дела в своей клинике, чтобы измерить давление важной пациентке.

Я следила за ним и за Ниной Филипповной, умирала от любопытства, пытаюсь поймать и объяснить каждое движение, каждое слово. Они бесконечно подходили друг другу (он – огромный и громкий, она – тонкая и тихая) и не могли скрыть свое долгожданное счастье.

«Уйди куда-нибудь, – приказала я себе, – не мешай людям».

Но я просто стояла и мысленно плыла в ладной лодке по чужой реке любви... И радовалась за них до томительных всхлипов в душе, до легких спазмов в желудке.

– Как поживает наша больная? – поинтересовался Бриль, глядя на меня. – Что стряслось?

Я была уверена, Нина Филипповна обо всем уже рассказала, но поддержала разговор.

– Бабушка прочитала в газете неприятную статью и сильно... расстроилась.

Можно ли было назвать словом «расстроилась» то состояние, в котором пребывала Эдита Павловна? Вряд ли. В таком состоянии люди не впадают в кручину и не выдают череду горьких вздохов, они сносят с лица земли целые города, топят корабли и отправляют многомиллионную армию в соседнее государство. Этим несоответствием и была вызвана моя короткая заминка.

– Ничего страшного, завтра опять выйдут газеты. С другими новостями. Каждый день несет что-то новое, не так ли, Анастасия?

– Так, – кивнула я и улыбнулась, не в силах сдержаться.

Бриль провел у бабушки недолгое время, наверное, только измерил давление и выслушал. Я намеренно не пошла его провожать, чтобы не мешать – пусть в красивых, добрых карих глазах Нины Филипповны появится еще больше радости (если это возможно, конечно).

Моя тетя сидела на краю дивана на первом этаже и ждала Льва Александровича. Как я ее понимала... И не сомневалась, перед уходом Бриль обязательно возьмет Нину Филипповну за руку, сожмет пальцы, улыбнется, что-то скажет – незначительное и очень важное одновременно. И этого будет так много и так мало...

Эдита Павловна покинула свою комнату только вечером, когда приехал ювелирных дел мастер – Кожемякин Федор Сергеевич. Он оказался маленьким, сухоньким, сутулым старичком с кустистыми бровями и необыкновенно длинными тонкими пальцами.

– Ну, вот и дедок на нашу голову, – тихо прокомментировала мне в ухо Лера. – Один раз послушаю, о чем он говорит, и хватит. Но ты посмотри, посмотри на этого красавчика с чемоданом... Отличный экземпляр, между прочим.

За Федором Сергеевичем следовал высокий блондин в черном костюме, он-то и вызвал у Леры живейший интерес.

– Как я рада вас видеть, – радушно произнесла Эдита Павловна. – Хочу представить вам своих внушек.

– Ха, в чемодане, наверное, золото. Видишь, какой он тяжелый, – вновь прошептала мне в ухо Лера.

– Наверное, – согласилась я, глядя на небольшой металлический чемоданчик.

– Уверена, он пуленепробиваемый.

– А я уверена, что в чемодан с драгоценностями никто никогда стрелять не станет.

– Не умничай, – фыркнула в ответ Лера и добавила: – Какие же вы умные приезжаете из деревень...

Бабушка представила нас, а затем проводила в одну из свободных комнат на втором этаже, где и произошло обучение. Сначала я слушала равнодушно, отчаянно борясь с вредностью, потом во мне поднялась волна сопротивления, а потом я увлеклась рассказами Федора Сергеевича об удивительных камнях и не заметила, как в моих руках оказался зеленый изумруд. Лера была права – в небольшом чемоданчике лежали украшения и драгоценные камни. Одни сверкали, а другие тускло поблескивали. Федор Сергеевич сказал, это потому, что их никто не носит. «Каждый камень живой, но он, в зависимости от характера, может умереть на время».

Лера «умерла на время» еще в начале лекции – она находилась в вертикальном положении и дышала (иногда слишком шумно), но явно ничего не слушала. Сидела и улыбалась, глядя на большие и маленькие драгоценные камни. В мечтах она наверняка уже мчалась по шоссе на высокой скорости на собственной машине с откидным верхом. С одной стороны – элитные отели, с другой – океан. В воздухе витает аромат экзотических цветов, полупрозрачный шарфик развевается на ветру, а... А над головой кружат чайки-бомбардировщики. Во всяком случае, я надеялась, что они проберутся в мечты Леры и хорошенько там закружат над ней.

* * *

– А нельзя ли мне переехать жить к тебе? – спросила Симка, когда я рассказала о благотворительности «самого доброго человека на свете». – Определенно, моя жизнь скучна. Я хочу еще кекс. – Она посмотрела на витрину, предлагающую выпечку и десерты, но потом вернулась к разговору. – Ладно, сделаем перерыв. Во сколько приедет Тим? Я его увижу?

Симка постриглась очень коротко и теперь походила на француженку. Высокую, юную и дерзкую француженку в коротком черном платье. Я любовалась ею и хотела выглядеть так же сногсшибательно.

– Он обещал за мной заехать, – чуть смутившись, ответила я и отправила в рот последний кусочек ванильного эклера.

В кофейне витал аромат кофе, и я, после насыщенного эмоциями дня, чувствовала себя очень хорошо и комфортно.

Симка подперла щеку кулаком и задумчиво сказала:

– Ты очень красивая. Ты даже не представляешь, какая ты красивая.

От неожиданности я заерзала на стуле и недовольно ответила:

– Вообще-то, это я тебе хотела сказать, и... Не приставай ко мне с глупостями.

– И так забавно, что ты этого не понимаешь. – Она искренне улыбнулась и добавила: – Уверена, Тим в тебя влюблен по уши.

– Было бы неплохо, – нарочно серьезно произнесла я, и мы, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

– Давай еще что-нибудь съедим.

– Давай!

Тим приехал в девять, чем доставил Симке и мне огромное удовольствие. Я раздулась до размеров небоскреба, когда увидела его. Он шел к нам неспешно, светлая челка привычно съехала на лоб, голубая рубашка с короткими рукавами расстегнута, джинсы потерты на коленях. Такой отличный разгильдяйский вид... Я чуть не умерла от счастья и умиления.

– Очень хороший, – мягко произнесла Симка и хитро сощурилась. – Когда Эдита Павловна выгонит тебя из дома, приходи ко мне. Родители все равно ничего не заметят, они слишком заняты работой.

– Спасибо, приду, – пообещала я, не сомневаясь: когда-нибудь бабушка все узнает...

Симка выпила еще одну чашку кофе и отправилась домой («Только никому его не отдавай», – шепнула она мне на прощание), а мы немного проехали по вечерней Москве, при тормозили около прудов, долго гуляли, а потом остановились под каштаном.

«Я тебя, конечно же, никому не отдам», – подумала я, прижимаясь к Тиму.

Нужно было торопиться домой – Эдита Павловна звонила два раза, но я не могла и не хотела возвращаться так скоро. Какой же маленькой я чувствовала себя, иногда уверенной, иногда не очень, однако все перемены настроения мне нравились, потому что были связаны с Тимом.

Я подняла голову и улыбнулась.

– Приглашаю тебя за город, – сказал Тим, проводя ладонью по моему лицу. – У меня есть ключи от всех домов твоей бабушки. Выбирай любой. Север, юг, запад, восток – мы можем поехать в каком угодно направлении.

– Согласна, – сразу выпалила я. – И направление не имеет значения.

Но это было неосуществимое желание, как я могла исчезнуть из дома Ланье?

– Когда?

– Тим, – я вздохнула. – У меня не будет такой возможности... Ты же понимаешь...

– Это легко. Ночью уедем, а утром я верну тебя в целости и сохранности бабушке.

– Представляю... Она стоит у двери и ждет нас... И в руках у нее двустволка.

Тим засмеялся, а затем наклонился, и наши губы встретились. Он целовал меня нежно и долго, и мысль – сбежать ночью – с каждой секундой казалась мне все притягательнее и притягательнее...

Глава 6

Девять граммов вежливости

К субботе погода выровнялась: дождь перестал моросить, облака растаяли, выглянуло солнце, и уже не было необходимости надевать теплую кофту или плащ. Валерия этим переменам сильно обрадовалась, ей все же удалось похудеть на два с половиной килограмма, и теперь она испытывала острую потребность в обтягивающей одежде.

– Я красотка, – сообщила она, вертясь перед зеркалом в ярко-розовом купальнике, усыпанном блестящими стразами. Больше часа Лера перетрясала шкафы и мерила все подряд, желая насладиться своими успехами в полной мере. – Мне не нравятся слишком тощие. Ну, такие, как ты. У женщины должна быть фигура.

Но насладиться триумфом у моей двоюродной сестры не получилось, Эдита Павловна увидела Леру, расхаживающую по дому в купальнике, и сказала, что ее терпение скоро лопнет. «Однажды я отправлю тебя в монастырь, Валерия, – серьезно произнесла бабушка. – Возможно, это единственный способ тебя образумить».

В монастырь Лера категорически не хотела, поэтому, выпустив на свободу ряд длинных проклятий, с перепугу надела серый брючный костюм, белую блузку и в таком непривычном виде спустилась к раннему обеду. Эдита Павловна подарила ей одобрительный взгляд и сообщила, что никогда не сомневалась в том, что даже мысли о Господе могут сделать человека лучше. В голосе сквозила ирония, но все же по лицу бабушки пролетела тень удовольствия.

Обед получился ранний, так как нам предстояла поездка к Абакшиным. Меня ждал замечательный сад неведомой Веры Григорьевны, и, если следовать бабушкиному сценарию, познакомить меня с ним должен был Максим Матвеев. Я собиралась достойно вынести эту экскурсию, демонстрируя абсолютное равнодушие к происходящему. Еще на вечере «Браво-Бис» я обрекла планы Эдиты Павловны на полный и безоговорочный провал, оставалось лишь соблюдать приличия и радоваться своим тайным мечтам, обещающим счастье.

Бабушка очень долго изучала мой гардероб и запретила ехать в брюках, хотя я собиралась поступить именно так.

– Почему я не могу сама решить, в чем ехать? – спросила я, намереваясь добиться хоть каких-нибудь прав в этом вопросе.

– Потому что тебе нужна помощь, – терпеливо ответила Эдита Павловна.

– Не нужна, – упрямо возразила я.

– Ты наденешь ожерелье, а к нему не так просто подобрать наряд.

Меня ожидала еще одна встреча с символом дома Ланье, и я гадала, каким образом бабушка успокоит Валерию на этот раз. Лера тоже собиралась в гости, а значит, на горизонте маячил очередной скандал – она хотела носить ожерелье и считала, что ее права в данном вопросе весьма ущемлены. Но свершилось два чуда: первое – бабушка разрешила мне надеть серое платье, и второе – Лера, увидев меня, не проронила ни звука, лишь презрительно смерила взглядом и гордо отвернулась. Из чего напрашивался только один вывод: Эдита Павловна поговорила с ней наедине, сказав, что эта тема раз и навсегда закрыта, и в качестве компенсации выполнила заветное желание Валерии. Какое, я узнала довольно скоро.

– А мне купят машину, – тихо с улыбкой сообщила Лера, когда мы выехали из Москвы. – Очень красивую. Бабушка меня больше всех любит, понятно?

Я никогда не мечтала о любви Эдиты Павловны и сильно сомневалась, способна ли она любить вообще, поэтому данное известие не затронуло ни одну из струн моей души. Можно было только порадоваться, что на некоторое время Лера успокоится и перестанет ревновать.

Кора ехала впереди нас на своей машине, тетя находилась в мрачном расположении духа, и я не знала, что стало тому виной.

За рулем нашей машины сидел Тим. Я ловила его короткие взгляды в вытянутом зеркале заднего вида и думала о... м-м... О том, что мне уже давно восемнадцать лет, и рано или поздно произойдет то... Короче, я думала об интимных отношениях, которые случаются между мужчиной и женщиной. Опыта у меня не было никакого, но он наверняка имелся у Тима... Должна я волноваться на этот счет или нет? Хочу ли я этого?.. На повороте я покосилась на Леру и задалась бессмысленным вопросом: а есть ли у нее такой опыт? Нет, я не собиралась советоваться с сестрой – ни за что на свете! Но мысли толкали друг друга, и я разнервничалась.

Если мы с Тимом все же поедem за город ночью, то... Внутри все сжималось и болело.

Наши отношения длились совсем недолго, но никто же не знает, когда положено случиться тому или иному событию. Наступает момент, когда исчезают сомнения и ты устремляешься вперед – навстречу неизведанному.

«Если бы кто-нибудь подслушал мои мысли, то, наверное, покрутил бы пальцем у виска», – решила я и на этом успокоилась.

– У Абакшиных будет Шелаев, – ровно произнесла Эдита Павловна, точно желала привести всех присутствующих в боевую готовность.

* * *

По-видимому, Клим приехал давно. Он расхаживал по огромной комнате, держа в руках бокал с виски или коньяком, и рассматривал картины на стенах. Небольшие круглые столики, покрытые оранжевыми скатертями, тянулись вдоль левой стены, на них стояли напитки и немного тарелок с маленькими пирожными. Правая сторона представляла собой мягкую зону с широкими креслами и диванами. Я попыталась сосредоточиться на интерьере, но это не получилось.

Увидев нашу процессию, Клим чуть приподнял бокал и кивком поздоровался. Эдита Павловна немного наклонила голову, выпрямилась и направилась к хозяйке дома. Если бы можно было взвесить вежливость, которой она одарила Шелаева, то она бы весила примерно столько же, сколько маленькая, но смертоносная пуля.

Я последовала за бабушкой, Корой и Валерией, однако, встретившись взглядом с Климом, почему-то не поторопилась отвести глаз. Острое желание уловить его настроение и даже прочитать мысли замедлило мои шаги и сковало тело.

Неужели он совсем не боится Эдиту Павловну?

Не боится – это твердо и нерушимо.

Но она все же способна изменить его жизнь в худшую сторону...

Шелаев сунул свободную руку в карман светлых брюк, сделал глоток и посмотрел на вновь прибывших. Нас разделяло около пятнадцати метров, но мне казалось, будто он стоит совсем близко.

– Вера Григорьевна, я привезла вам своих девочек... – донесся до меня голос Эдиты Павловны.

Хозяйка дома – невысокая полная женщина лет пятидесяти – проявила к нам неподдельный интерес и, кажется, осталась довольна увиденным. Меня она изучила с особой тщательностью, точно я была этажеркой, которую она собиралась купить, Лере же досталось немного меньше внимания.

– У вас замечательные внуки, – сделала вывод Вера Григорьевна и, нарочно понизив голос, так, чтобы мы ее обязательно слышали, многозначительно сообщила Эдите Павловне: – А мои-то мальчики тоже выросли... Да, да, – добавила она громко и весело, – у меня два сына, и сейчас я вас с ними познакомлю.

Бабушка сдержанно улыбнулась, наверное, в ее планы не входило такое родство. Лера схватила меня за локоть и прошептала:

– Какая я молодец, что похудела.

Кора сделала шаг вперед, оглядела свысока зал и спросила:

– Марк еще рисует? Это его картины?

– О да, – выдохнула Вера Григорьевна, переполненная материнской гордостью. – Он пишет! Только в наше время не ценят талант... – Она махнула рукой. – Но однажды Марка узнает весь мир, я в этом нисколько не сомневаюсь.

– Безусловно, – без тени эмоций ответила Кора, подошла к одной из картин, потратила пару секунд на изучение и направилась дальше. Трое мужчин, стоящих неподалеку, проводили ее продолжительными и заинтересованными взглядами.

– Это алое платье я потом заберу у мамы, – пообещала Лера.

– Оно для тебя слишком длинное, – автоматически ответила я, глядя вслед удаляющейся роскошной тете.

– Ничего, подошью.

– Сама? – нарочно уточнила я.

– Какая же ты дура, – грубо ответила Лера, но в этот момент она увидела двух сыновей Веры Григорьевны и мгновенно забыла обо мне.

Два высоких, одинаково сложенных молодых человека подошли к нам и остановились рядом с хозяйкой дома. Между ними была небольшая разница в возрасте, наверное, год-полтора...

– Марк, как ты вырос, – улыбнулась бабушка, глядя на старшего сына Веры Григорьевны. – Я бы ни за что тебя не узнала.

– Это случилось против моей воли, – бархатным голосом ответил он.

– Вениамин, – бабушка посмотрела на второго молодого человека. – А чем занимаешься ты?

– Учусь на юриста. – Он сразу смутился, будто только что разболтал сокровенную тайну.

– Мои внучки – Анастасия и Валерия, – представила нас Эдита Павловна.

Внешность Марка можно было назвать заметной, яркой, он явно уделял себе много внимания. Тонкие черты лица, несколько капризный рот, ухоженные волосы чуть ли не до плеч, тончайшая вязаная безрукавка бежевого цвета, брюки, напоминающие брюки танцора.

Вениамин отличался от брата и вызвал у меня симпатию. Его застенчивость понравилась мне куда больше самодовольства Марка.

– Уж так и быть, – вновь дернула меня за локоть Лера, – мой старший, а твой младший.

Она выплыла на передний план и игриво улыбнулась Марку.

– Это твои картины? Здорово рисуешь. Я еще не успела все рассмотреть, но... Мне понравились с белым конем и с маками.

– Они старые.

– Ну и что, зато красивые.

Леру не так-то просто было сбить с намеченного пути. Имея большой опыт кокетства, привычно копируя мать, она вела себя уверенно, свободно и иногда даже производила впечатление. Но надолго ее никогда не хватало...

– Оставим молодежь в покое, пусть развлекаются, – улыбнулась Вера Григорьевна и повела Эдиту Павловну к окну и мягким коричневым диванам. Я заметила, что бабушка не поворачивает голову в ту сторону, где находится Шелаев, а ее смех несколько раз прозвучал на тон выше обычного.

Мне не хотелось проводить время в обществе Леры, поэтому я довольно быстро отделилась от их компании. Стараясь держаться подальше и от Кору, я устроилась в плетеном кресле на веранде и тихо-спокойно сидела, поглядывая на бескрайний, ухоженный сад Веры Григорьевны. Аккуратные дорожки тянулись и влево, и вправо, подстриженные кусты имели круглую, квадратную и треугольную формы, различные цветы пестрели со всех сторон.

Гостей было не очень много, я почти никого не знала и, наверное, именно поэтому чувствовала себя хорошо. Отсутствие Максима Матвеева тоже расценивалось как плюс, но я знала: он придет, раз обещал.

«Может, пойти самой посмотреть сад? А потом я скажу, что розы и пионы мне уже не интересны».

Посчитав идею отличной, я торопливо поднялась и бодро зашагала по каменной дорожке в глубь сада. Эдита Павловна отправила Тима по каким-то важным делам в Москву, и я не стала ему звонить, но набрала номер Симки и поболтала с ней о пустяках. Отыскав рядом с маленьким искусственным водоемом скамейку, я села и стала вдыхать навязчивый аромат лилий. Пожалуй, их было слишком много, в таком количестве они как-то теряли свою красоту. Желтые, розовые, белые, красные, почти черные, наверняка эти цветы являлись гордостью хозяйки и восхищали всех.

Через пять минут я поймала себя на мысли, что кого-то жду, и это меня развеселило. Я представила себя прекрасной принцессой, заблудившейся в лабиринте злого, страшного тролля. Сейчас появится принц и...

– Не замерзла? – раздался ровный голос Шелаева.

Я обернулась и с едким сарказмом подумала: «Нет, не всегда к прекрасным принцессам приходят принцы, иногда к ним проявляют интерес тролли...»

Не дожидаясь ответа, Клим подошел к скамейке, сел и положил ногу на ногу. Достал сигарету, закурил, выпустив сероватые клубы дыма. Я почувствовала, как напрягаются мышцы, как замирает душа, а мысли начинают расползаться в разные стороны.

– Нет, – спокойно ответила я и принялась подчеркнуто смотреть прямо.

– Сердишься? – спросил он, словно мы были закадычными друзьями и пару дней назад повздорили из-за ерунды.

Такой мягкий тон и вопрос могли вызвать только одну вполне оправданную реакцию – мне захотелось развернуться и изумиться: «Что?!» Но Шелаев, сам того не ведая (или ведая), уже научил меня сдерживать свои порывы, иногда думалось, я в состоянии справиться с любой игрой, но, к сожалению, практика показывала, что это далеко не так...

– Нет.

– А я бы на твоём месте сердился.

– Мне все равно.

– Почему же? – Клим повернул голову ко мне и улыбнулся.

Я автоматически искала подвох в каждом его слове и движении и оттого напрягалась еще больше.

– Вы сделали столько зла, что одним больше, одним меньше... – легко ответила я (о, как же тяжело мне давалась эта легкость!). – Думаю, вы и сами понимаете.

– Надо же, – его улыбка стала шире, – никогда не думал, что причиняю зло тебе. Может, перечислишь все мои грехи, а я для себя что-то и пойму.

Клим дразнил меня, посмеивался, но раз уж разговор пошел в таком русле, то следовало его продолжать на ноте светско-дружеской беседы. Я собиралась сказать о Тафте, но почему-то начала совсем с другого:

– Благодаря вашей изобретательности Эдита Павловна считает, что кольцо мне подарил Максим Матвеев.

– Ну и что? – Он пожал плечами. – Это устраивает абсолютно всех.

– Да? – усмехнулась я. – И теперь бабушка хочет... – Слова застряли в горле, я вдохнула, выдохнула и продолжила: – Эдита Павловна считает, что Матвеев проявил заинтересованность и...

– Она тебя замуж, что ли, за него выдает?

– Да, – ответила я.

Шелаев затушил сигарету, бесовестно бросил ее в сторону бордовых лилий Веры Григорьевны и с иронией произнес:

– Бедный Макс.

Клим положил руку на спинку скамейки, и его пальцы коснулись моего плеча. Я демонстративно отсела – сказочные принцессы не водят дружбу с троллями.

– Ты нервничаешь из-за Матвеева? – спросил он.

«Вообще-то обычно я нервничаю из-за вас», – слова уже соскакивали с языка, но я все же их ловко поймала и спрятала подальше.

Шелаев подбирался к моей душе, я это вдруг почувствовала очень остро. Его вопрос, взгляд, рука...

– Конечно, нет, – с вызовом произнесла я, и тон разговора изменился на противоположный. Не в силах больше сидеть, я поднялась и скрестила руки на груди. В глазах Клина поблескивала обидная насмешка, и я стала злиться. Не нужно было говорить про Матвеева, это же еще один повод посмеяться надо мной. – Зачем вы пришли сюда?

– Хотел побыть с тобой наедине, – просто ответил он, шурясь. – Это так редко случается.

– Я никогда больше не буду с вами наедине. Пожалуйста, запомните это.

Он улыбнулся, опустил ногу и сказал:

– Каждый раз, когда ты говоришь «никогда», ты даешь мне надежду, потому что еще ни одно твоё «никогда» не сбылось, Анастасия. Ни одно.

Правота Шелаева меня расстроила, но я сдаваться не собиралась. Убрав руки за спину, я ответила почти равнодушно:

– Значит, пришло время сбываться моим «никогда».

– Нет, такое время вообще не наступит.

– Вы ошибаетесь.

– Это легко проверить.

– Вы ошибаетесь, – настойчиво повторила я и «мило» улыбнулась.

– Ты хотя бы иногда по мне скучаешь? – Клим заглянул мне в глаза.

– Нет!

– Может, еще посидим немного, посмотрим на лилии? Мне они не нравятся, но треугольные кусты гораздо хуже. – Шелаев недовольно поморщился и вытянулся, устраиваясь поудобнее.

Проигнорировав предложение, я, не оглядываясь, направилась к дому. Фразы вертелись в голове, и я старалась отыскать неправильные, заменить их, а также вычеркнуть лишние и добавить нужные. «Ну почему, почему он сильнее? И почему не получается оставаться равнодушной?»

Никогда, никогда, никогда... Желая немного успокоиться, я подошла к фонарному столбу, прислонилась к нему спиной и посмотрела на небо. Сердце начинало стучать ровнее, водоворот всевозможных чувств затих, я закрыла глаза и тихо вздохнула – лучше бы принцессам не встречать на своем пути злых и коварных троллей...

«Клим, чем вы занимались раньше, когда я жила в деревне? У вас же было какое-то развлечение?.. Интересно, какое?»

Воображения не хватило, чтобы ответить на эти наитруднейшие вопросы, я втянула влажный воздух, подняла руку и дотронулась до плеча, до того места, к которому прикасался Шелаев. Еще раз вздохнула и покачала головой.

– Я – Ланье. Мой личный и окончательный приговор.

В зал внесли закуски, и теперь столики были заставлены тарелками и подносами. Я взяла бокал шампанского и с удовольствием сделала несколько глотков – холодные пузырьки приятно кольнули язык, и я потянулась к маленьким бутербродам с овощами. Во мне проснулся нестерпимый голод, будто я провела напряженный сеанс одновременной игры в шахматы, для-

щийся минимум восемь часов. Но Эдита Павловна подала знак, и я неохотно направилась к ней.

– Где ты была? – поинтересовалась она.

– Гуляла, – честно ответила я и мысленно добавила: «С Климом Шелаевым. В основном мы обсуждали достопримечательности Ханты-Мансийска и... наши будущие встречи наедине».

– А вот и Максим, – Эдита Павловна отвлеклась, одарив приближающегося к нам Матвеева щедрой улыбкой. Полная рука бабушки легла на подлокотник кресла, и большой малиново-красный рубин в платиновом обрамлении величественно засверкал.

Мы обменялись приветствиями, Матвеев, немного развернув свободное кресло, устроился рядом.

– Я ожидала тебя. Не люблю эту публику, но иногда нужно выбирать из дома, – начала разговор Эдита Павловна. – Вера Григорьевна удержу не знает и обычно приглашает всех подряд. Отдохнуть в таком обществе невозможно. – Бабушка хлопнула ладонью по подлокотнику, и раздался приглушенный стук кольца о дерево.

– Не могу судить, – нейтрально ответил Матвеев, – я знаком только с половиной присутствующих.

– А другая половина и не стоит того, чтобы с ней знакомиться, – многозначительно произнесла Эдита Павловна, бросая неприязненный взгляд на бородатого мужчину в мятой ярко-зеленой рубашке. – Полагаю, это приятели Марка. Богема, – она фыркнула. – Можно получать удовольствие, созерцая картины, но образ жизни художников уважения не вызывает. Максим, ты собирался показать Насте сад, буду тебе очень благодарна... Свежий воздух куда лучше этой трескотни.

Но у меня был готов отличный ответ, и я с ним тянуть не стала.

– Я уже ознакомилась с садом. Очень красивый, особенно понравились лилии – белые, желтые и розовые, но у них такой крепкий аромат, что голова разболеться может.

Произнося это, я чувствовала себя жеманной барышней, но иного пути к спасению не было. Мысль о том, что я опять пересекусь с Шелаевым, не могла вызвать радости, так что заманить меня в сад не получилось бы никакими глазированными пряниками.

Бабушке мой ответ не понравился, но она не показала этого – лишь чуть приподнялась ее левая бровь, а затем опустилась.

– В таком случае я позволю себе пригласить вас, Анастасия, на прогулку по дому. Картины есть и на первом этаже, и на втором, вам будет интересно.

– Спасибо, – выдохнула я, оказавшись прижатой к стенке. – Но...

– Анастасия, – насмешливо перебила меня бабушка, – уверяю, картины не пахнут, значит, твоей голове ничего не грозит.

* * *

Матвеев предложил подняться на второй этаж, и я согласилась. Пусть все идет по плану Эдиты Павловны, вернее, пусть она считает, что ей удастся воплотить в жизнь задуманное. Я собиралась демонстрировать равнодушие, так что ж – этот час наступил!

После катастрофы с Павлом бабушка выбрала другую тактику – не торопить события и медленно, но верно двигаться к цели. Правда, ей все же хотелось побыстрее достичь определенности – сегодня Максим Матвеев «дарит» кольцо мне, а завтра захочет преподнести украшение какой-нибудь другой девушке... Бабушка этого опасалась, а я на то же самое отчаянно надеялась. На свете так много замечательных девушек!

Работы Марка мне не нравились и навевали скуку, я с трудом заставляла себя притормаживать у той или иной картины, терпеливо рассматривая пейзажи и портреты. Природа выгля-

дела унылой и безжизненной, будто художник пожадничал, приберегая душевные силы на что-то другое, иногда казалось, что значительное количество ярких пятен потребовалось лишь для того, чтобы заполнить место. Но у Марка неплохо получались лошади и женщины.

– Вам нравятся картины? – спросил Матвеев, задержав внимательный взгляд на мне.

– Нет.

– Мне тоже.

– Значит, наши взгляды совпадают, – без тени эмоций ответила я.

– Надеюсь, вы это расцениваете как добрый знак.

Я развернулась, подняла голову и заглянула в лицо Матвеева. В его голубых глазах поблескивали искорки иронии. Они кружили, сияли и удивляли меня, в душе появилось стойкое ощущение, будто вот сейчас, в эту напряженную минуту, я узнаю нечто важное, пойму то, что раньше ускользало.

– Мне кажется, совсем не обязательно, чтобы наши взгляды совпадали, – осторожно произнесла я, чувствуя себя как на экзамене.

– Разве это не обрадует Эдиту Павловну? – Его глаза заблестели ярче.

– Я не могу этого знать.

«Он хороший человек, – пронеслось в голове. – Пойми же ты, он хороший».

– Анастасия, вы очень приятная, умная и интересная девушка. – Искры исчезли, лицо Матвеева стало абсолютно серьезным. – Я должен вам кое-что сказать, и, надеюсь, вы меня поймете.

– Постараюсь, – ответила я.

– Обещаете?

– Да.

Мне действительно захотелось понять Максима Матвеева, и понравилась та теплая и спокойная энергия, которая шла от него.

– Я бы очень хотел, чтобы вы мне доверяли. Понимаю, на данном этапе это нереально, но если когда-нибудь вам понадобится помощь, пожалуйста, обращайтесь. Вот моя визитка. – Матвеев вынул из внутреннего кармана пиджака карточку и протянул мне. Я взяла, посмотрела на нее и опустила руку. – Я гораздо старше вас, мудрее, – он усмехнулся, – и сумею помочь.

– Но... – Пожалуй, я была в замешательстве, я готовилась к очередному сопротивлению, а оказывается, никто не собирался нападать. Наоборот, Матвеев предлагал мир и согласие.

– Во время танца на «Браво-Бис» у нас с вами состоялся короткий разговор, который внес необходимую ясность. Я предлагаю и сейчас поговорить откровенно, лишь для того, чтобы вам стало спокойнее. Анастасия, вы согласны?

– Да, – быстро ответила я, остро нуждаясь именно в таком разговоре. Должна была рухнуть последняя стена, отделяющая меня от чего-то очень важного и нужного. К тому же в груди разгоралось жгучее любопытство, требующее немедленного удовлетворения...

– Я не собираюсь участвовать в осуществлении планов Эдиты Павловны, а они в данном случае очевидны. Мне уже почти сорок лет, и к восемнадцатилетним девушкам я могу относиться только с участием, покровительственно.

Веселье вновь вспыхнуло в его голубых глазах, и я улыбнулась. Теперь Матвеев улыбался тоже. «Вы хороший человек», – подумала я уверенно, наконец-то в моей голове все встало на свои места.

– Не выбрасывайте визитку, Анастасия. Кто знает, вдруг пригодится.

– Спасибо. Но у меня вопрос... Все же почему... Зачем...

Я не могла четко сформулировать то, что хотела спросить, – это оказалось не таким уж простым делом.

– Я отвечу, но вы вряд ли поймете мой ответ. Просто запомните его. – Матвеев заложил руки за спину и помолчал немного. – Потому что Клим Шелаев мой друг.

Я была готова услышать что угодно, пусть бы он оказался умирающим от скуки бизнесменом, или членом организации по спасению богатых наследниц, или еще что-то, но... Клим Шелаев?

– Это как раз говорит не в вашу пользу, – быстро произнесла я.

– Давайте смотреть картины, Анастасия, – мягко предложил Матвеев, делая шаг назад, пропуская меня вперед. – Они оставляют желать лучшего, но иногда созерцание дает возможность подумать о многом. Я рад, что наш разговор состоялся.

Убрав визитку в клатч, я подавила возрастающее смутнение и пошла вдоль стены, кидая редкие взгляды на картины. Возвращаться на первый этаж не хотелось и теперь, когда нечего было опасаться, я вообще никуда не торопилась.

– Лошади у него выходят неплохо, – сказал Матвеев.

– Да, – легко согласилась я, – и женщины.

Около одной картины я остановилась. Марк нарисовал полуобнаженную женщину на фоне серо-черного дождя. Она стояла спиной к «зрителям», платье почти упало на мокрый асфальт, волосы на затылке приподняты левой рукой – точеная фигура, свободная и дерзкая поза, поворот головы. О, какой она казалась необыкновенной и красивой!

– Слишком много дождя, – прокомментировал Матвеев. – И плохо прорисован контур – вот здесь. – Он указал пальцем на бедро женщины. – Марк не трудолюбив, торопится, но важно не количество, а качество.

– Да, вы правы.

Я не могла отделаться от мысли, что эта женщина мне знакома. Хотя совершенно не представляла, каким может оказаться ее лицо... Острый нос? С горбинкой? Тонкие губы или пухлые? Большие глаза или вытянутые, миндалевидные? Художник посчитал нужным это скрыть. Нарисованный дождь упрямо не давал возможности разглядеть женщину подробнее, но что-то неуловимое настойчиво и навязчиво лезло в глаза.

Мобильник загудел, и я отвлеклась – звонила Эдита Павловна (это было невероятно – она ни за что бы не стала мешать нам сближаться...).

– Да.

– Настя, к сожалению, у меня разболелась голова, и мы уезжаем. Но ты не должна лишать себя отдыха из-за моего плохого самочувствия. Пожалуйста, передай трубку Максиму, я попрошу его довезти тебя до дома.

Если бы несколько минут назад не состоялся наш разговор с Матвеевым, наверное, мое настроение катастрофически бы испортилось, но теперь новый ход бабушки мог вызвать лишь вздох облегчения и полуулыбку. «Почему, почему я должна ехать... а она остается...» – донесся до меня недовольный голос Леры. Я убрала трубку от уха и протянула телефон Матвееву. Он совершенно спокойно выслушал Эдиту Павловну, сказал: «Конечно, хорошо» – и вернул мобильник мне.

– Пожалуй, – произнес он, – мы можем спуститься и выпить кофе.

Кажется, я начинала его обожать!

* * *

Уезжать я не торопилась, пожалуй, у меня были самые настоящие взрослые каникулы – отдых от дома Ланье. Матвеев общался со своими знакомыми, а я, испытав легкое головокружение от свободы, ела ванильное мороженое, ягодные десерты, шоколадные конфеты с вишней и пила шампанское. Марк потребовал танцы, и Вера Григорьевна тут же организовала музыку. Я наблюдала за парами из дальнего угла зала и не думала ни о чем плохом. Один раз позвонил Тим, потом ему позвонила я. Он предложил приехать за мной, но я отказалась, чтобы ничего не объяснять Матвееву... А позже не объясняться еще и с бабушкой.

Я очень надеялась, что меня никто не пригласит, но ко мне подошел Вениамин. Он так смущался, и в конце концов я сама взяла его за руку и решительно повела в центр зала.

– Спасибо, – горячо поблагодарил молодой человек.

– Не за что, – улыбнулась я.

Вениамин почти сразу наступил мне на ногу и извинился, а я неожиданно вспомнила свой первый бал в доме Ланье и танец с... «Нет, только не думай сейчас о нем», – приказала я себе, выхватывая одобрительный взгляд Матвеева. Слишком хорошо...

«Шелаев уехал, давно уехал».

Мне спокойнее было думать именно так, но в душе опять задергалась какая-то ниточка (и откуда она только взялась?), я тряхнула головой, желая прогнать все мысли разом, и торжественно вздернула нос. Шампанское, очень вкусное шампанское, наверное, я выпила бы еще...

Полненькая симпатичная девушка в розовом воздушном платье пригласила Вениамина на танец сразу, как мы разошлись, и я с чувством выполненного долга направилась в свой затворнический угол. Знала бы Эдита Павловна, как я провожу время... И вовсе не с Максимом Матвеевым! Протянув руку, я подхватила еще бокал с шампанским, сделала маленький глоток и развернулась. Мое плечо чиркнуло по чьей-то каменной груди.

– Вы? – изумленно произнесла я.

– Нет, – ответил Шелаев, – тебе это лишь кажется.

Он взял из моей руки бокал и поставил его на край столика.

– Вы... – Я выпрямилась и неодобрительно прищурилась. – Даже не надейтесь, что я буду с вами танцевать.

– Очень тебя прошу, скажи «никогда», – он в ожидании приподнял брови и улыбнулся... ласково.

«У меня уже галлюцинации, – мрачно подумала я, – дурацкое шампанское...»

Я пошла танцевать с Климом. Не знаю почему... Наверное, чтобы никто не смог упрекнуть меня в трусости! И он в первую очередь... Его ладонь легла на мою талию, немного поднялась, опустилась. Нахмурившись, я грозно посмотрела на Шелаева.

– Всего лишь танец, – горячо и дьявольски прошептал он мне в ухо, и мы, разгоняя всех, понеслись по залу. – Всего лишь танец, – повторил он еще тише, точно желал убаюкать мое сознание. – Всего лишь танец...

Шелаев отлично танцевал – уверенно и легко, и держал меня крепко, и вел. В моей голове звенела музыка и пустота, я точно умерла и не владела собственным телом. Мелькали огни ламп, веселые и серьезные лица, оранжевые столики, все кружилось, но ноги совершали точные, летящие шаги, словно им не было дела до моего тяжелого состояния и до прикосновений Клим...а...

В частной школе нас учили танцевать, и иногда занятия длились по три часа, я вспомнила высокого, подтянутого педагога, услышала его слова: «Анастасия, у вас талант, вы сможете выступить достойно даже с высокой температурой и непрерывным кашлем». В эту минуту у меня не было температуры и кашля, но я мало отличалась от тяжелобольной или... девушки, выпившей лишнее.

Шелаев подвел меня к креслу и поблагодарил за танец, затем развернулся и направился к выходу. Я смотрела Климу вслед, не в силах пошевелиться и отвернуться. Я видела, как он достал мобильник и набрал чей-то номер. Странно, но загудел мой телефон.

«Клим Шелаев», – сообщил определитель.

– Да, – произнесла я.

Только теперь он остановился и обернулся. Мы стояли и смотрели друг на друга – одна из Ланье и ее враг...

Клим поднял свободную руку и сказал в трубку:

– Если ты хочешь получить его обратно, то позвони мне завтра утром. Честно говоря, мы слишком давно не были наедине... Кажется, несколько часов.

Я не сразу поняла, о чем говорит Клим, и не сразу поняла, *что он держит в левой руке...*

Тонкая блестящая змейка, круглые камушки, квадратные камушки и зеленые изумрудные капельки... Издалека не получалось разглядеть детали, но я угадывала их. Ожерелье – символ Ювелирного Дома Ланье – больше не украшало мою тощую шею, оно находилось во власти Клим Шелаева.

Глава 7, в которой я узнаю, что у слова «никогда» есть адрес

В машине Матвеева, сказавшись на усталость, я сидела тихо, и никакие пузырьки шампанского не веселили меня – от них не осталось и следа! Во всяком случае, я перестала их чувствовать. Рука постоянно тянулась к шее, будто существовал один шанс на миллион, что случившееся пригрезилось и Шелаев не совершил ужасную и бессовестную кражу. Я пыталась вспомнить тот момент, когда Клим снял с меня ожерелье, и не могла... Не могла! О, какая злость разрывала душу! Наверное, мой гнев был гораздо сильнее гнева Эдиты Павловны. В сто тысяч раз сильнее!

Медленно поднимаясь по ступенькам в свою комнату, я задавалась одним и тем же вопросом: «Что делать?» Утром бабушка попросит ожерелье, но его у меня нет...

«Все просто, нужно сказать как есть. Я ни в чем не виновата. Почему же Шелаев не побоялся, что я скажу правду? Эдита Павловна сотрет его с лица земли... Нет, сначала разрежет на кусочки, а потом сотрет. Эту выходку бабушка уж точно не посчитает забавной и не простит, присовокупив к ней Тафта. Хотя и без «Коричневого Парижа» кража вполне тянет на смертную казнь... На три смертных казни подряд – с оживлением и повторным умерщвлением». Вспомнив оптимизм Симки, я попробовала спрятаться за старую, добрую иронию, но трудно веселиться, когда очень скоро кое-кого убьют...

Сказать правду и увидеть армагеддон? И значит, стать причиной всех неприятностей (мягко говоря), которые обрушатся на Шелаева...

«Как ему пришло в голову украсть ожерелье? Впрочем, в его голову обычно приходят именно такие безумные, невозможные идеи... Почему Клим уверен, что я не признаюсь бабушке?» Этот вопрос меня особенно мучил, он жужжал настойчиво и противно, я гнала его прочь, но он тут же прилетал обратно.

Осторожно закрыв дверь, я разделась и забралась под одеяло. Луна освещала комнату, но я не стала зашторивать окно. Свернувшись калачиком, я высказала Шелаеву все, что о нем думала, и, не найдя успокоения, нервно задрожала.

– Вы полагаете, я вас пожалею? С чего бы это? И не надейтесь... Я не испугаюсь, вы же сами постоянно учите меня быть сильной. Моя фамилия – Ланье, но вы, кажется, забыли об этом...

Я говорила с Шелаевым и говорила, но легче не становилось, наоборот, мрачная бездна отчаяния настойчиво тянула меня к себе.

«Если ты хочешь получить его обратно, то позвони мне завтра утром».

– Если я сама не скажу правду Эдите Павловне, то утром от меня останутся только рожки да ножки.

«Анастасия, принеси мне ожерелье».

«Его у меня нет».

«Что? А где оно?!»

«Я его потеряла, но оно очень скоро найдется...»

«Где?!»

«Наверное, в квартире Шелаева...»

Представив эту картину, выражение лица бабушки, ее последующую взрывоопасную реакцию, я издала продолжительный жалобный стон. Как продержаться утром, днем и, возможно, вечером? И ради чего, то есть ради кого?

– Начнем все сначала, – потерев лицо ладонью, я посмотрела на часы. Три тридцать.

Почему нельзя сказать правду?

Жалко человека, испортившего мне жизнь? Нагло укравшего ожерелье?

Да пусть он горит огнем!

Усевшись, прижав одеяло к груди, я шумно вздохнула. «А если позвонить Климу прямо сейчас? Неужели, совершив очередное зло, он сладко и спокойно спит? И тем лучше, если спит, я разбужу его с огромным удовольствием!»

– Я не могу стать виновницей войны. – Нежданные слезы подступили к глазам, но я мужественно втянула их обратно.

«Виноват будет Шелаев, потому что так поступил», – объяснил разум.

Прижав одеяло еще крепче, я бухнулась на подушку, закрыла глаза, и сознание мгновенно отключилось.

* * *

Рано утром бабушка вместе с Тимом и Валерией уехала за город, оставив меня в обществе тяжких мук и душевных метаний. Будто сама судьба подыгрывала Шелаеву... Или об отъезде он знал заранее и все рассчитал? Эдита Павловна в присутствии Клим могла, например, сказать Вере Григорьевне, что собирается провести воскресенье на природе, а этого вполне достаточно для воплощения дерзкого и наглого плана в жизнь. Конечно, существовал огромный риск, но когда такие мелочи останавливали Клим Шелаева? Уж точно никогда.

Я ходила по комнате, сидела на подоконнике, спускалась в столовую, пила крепкий кофе, морщилась, возвращалась в свою комнату и опять ходила туда-сюда, обняв себя за плечи. Как же мне хотелось рассказать о случившемся Тиму, но не стоило этого делать (я не собиралась втягивать его в непростые отношения с врагом моей семьи). Тим ринулся бы на защиту, и можно только догадываться, чем бы все закончилось...

Повертев в руках визитку Матвеева, я и этот шаг отвергла. Он все же оставался чужим человеком и к тому же являлся другом Шелаева. Интересно, что бы Матвеев мне посоветовал?..

В двенадцать часов я села на кровать и взяла в руки мобильный телефон. Язык стал ватыным, но я должна была задать некоторые вопросы и получить на них ответы. Мое воображение могло нарисовать что угодно, только не раскаявшегося и удрученного случившимся Серого Волка (мечтающего съесть Красную Шапочку), поэтому на простой и легкий разговор я не рассчитывала.

«Я всегда успею поговорить с бабушкой, пусть Клим скажет, чего хочет... А я ему скажу, что сама желаю с ним сделать...» – успокаивала и обманывала я себя.

Тянуть не имело смысла (сколько же можно...), и я набрала номер.

– Устал ждать, – раздался ироничный голос Шелаева.

– Чего именно? – занимая оборонительную позицию, спросила я, но тут же перешла в наступление. – Гнева Эдиты Павловны?

– Мы оба знаем, что ты ей ничего не расскажешь.

– С чего вы взяли? – мой тон был острее ножа.

– Анастасия... Ты не из тех, кто развязывает войну, ты из тех, кто тащит с поля боя раненых. – Клим оставался невозмутим, его полунасмешливый голос был привычен до боли в животе. Ни тени страха или вины, даже самое прозрачное сомнение не беспокоило его черную душу. Конечно же, он ни капельки не сожалел. – Поверь, я знаю, у кого можно красть ожерелья, а у кого нельзя. Например, твоя сестра в такой ситуации закричала бы на весь дом Абакшиных.

«А я не закричала... Я стояла, как вековой дуб, и смотрела в спину Шелаеву, уносящему бабушкину драгоценность – символ дома Ланье!»

– Пожалуй, в следующий раз я обязательно закричу.

– Я больше ничего не собираюсь у тебя красть.

Немного помедлив, я осторожно спросила:

– Клим, чего вы хотите?

– Чтобы ты пришла ко мне вечером.

– Зачем?

– Хочу провести с тобой время.

– Зачем?

– Скучаю. Я вообще был бы рад, если б ты переехала ко мне жить. – Клим, без сомнения, улыбался. – Я, в отличие от твоей бабушки, разрешал бы тебе абсолютно все.

– Нет, – ответила я.

– Отказываешься со мной жить?

– Я не приду к вам сегодня вечером.

– Жаль. Я как-то говорил, что у тебя всегда будет выбор. Могу ли я считать, что ты его сделала и он окончательный? – спокойно спросил Шелаев. И, послушав мое продолжительное молчание, миролюбиво добавил: – Обещаю вести себя прилично, мы просто поужинаем. Иногда нужно ужинать с врагами, Анастасия, бери пример со своей бабушки.

Я продолжала молчать, а Клим терпеливо ждал. Как назло, в голове не было ни одного хорошего проклятья, а мне бы понадобилось штук пять или шесть... Наверное, на земле просто не существовало такого проклятья, которое бы подошло к Шелаеву. Любое оказалось бы слишком хилым и жалким рядом с вероломством этого человека. «Эдита Павловна, я должна вам сообщить о том...», «Бабушка, так случилось, что...» Шелаев постоянно причинял мне зло, почему же у меня не получалось отплатить той же монетой?

«А какое зло он тебе причинил? Просто ужин... Эй, он же не заставляет, он дает возможность выбрать... Выбирай», – будто маленький хитрый чертенок поселился в моей голове. О, как я ненавидела Шелаева за всех его чертей!

– Ладно, я приеду, и вы мне сразу отдадите ожерелье.

– Ну, если мы не найдем никаких интересных занятий, то сразу после ужина.

Спускаясь к обеду, я размышляла о том, какие занятия являются интересными для Клима Шелаева? Это точно не шашки и не морской бой. Хотя топить корабли он любит и, растягивая удовольствие, никогда не делает это с первого пушечного залпа. Впрочем, Клим также равнодушен к передвижению фигур, особенно если речь идет о восемнадцатилетних... м-м... фигурах женского пола. Шахматы. Да, шахматы ему ближе. Я старательно заговаривала волнение и игнорировала страхи, настойчиво кашляющие за спиной. «Ну, если мы не найдем никаких интересных занятий...» Я вздохнула и... коротко улыбнулась, вовсе не понимая чему. «Обещаю вести себя прилично...»

– То есть он не сожрет меня сразу, а сначала накормит и напоит, – тихо произнесла я и поплелась в столовую.

За столом с газетой в руках сидел Семен Германович. Увидев меня, он неторопливо сложил газету, положил ее рядом с приборами, зачем-то промокнул губы салфеткой и сцепил пальцы перед собой. Я бы с удовольствием развернулась и ушла, но совершить резкость по отношению к дяде все же не решилась, хотя он заслуживал именно такого отношения.

Проигнорировав супницу и аромат грибов, я стала накладывать рис на тарелку.

– Я рад, что сегодня обедаю с тобой, – серьезно, с шелковыми нотами в голосе сказал Семен Германович. Он не сводил с меня глаз, но я делала вид, будто не замечаю этого, и не повернула головы. – Может, ты хочешь курицу?

– Нет, спасибо, – не раздумывая, напряженно ответила я.

Раньше дядя со мной всегда был молчалив, если не считать тех моментов, когда объяснялся в своих чувствах... И теперь его поведение вызывало не только неприязнь, но и насто-
роженность.

– Как твои дела? Есть ли какие-то проблемы? – тон Семена Германовича продолжал оставаться официальным, он вновь промокнул губы салфеткой. Мне показалось, что разговор дается ему с трудом.

«Дела у меня отличные. Шелаев стащил ожерелье, и сегодня вечером я еду к нему домой, а больше никаких проблем нет».

– Спасибо, у меня все хорошо.

– Я рад за тебя. – Семен Германович помолчал, а затем пригладил редкие рыжеватые волосы. Краем глаза я увидела на его тарелке приличную горку куриных костей и сразу вернула внимание собственной тарелке. – Почему ты не поехала за город с Эдитой Павловной? – спросил он.

– Я поздно вернулась, была в гостях у Веры Григорьевны Абакшиной.

Мне захотелось как можно скорее уйти, и, отправив в рот немного риса, сделав глоток воды, я посчитала обед законченным. Было бы здорово, если б Семен Германович оставил меня в покое, но поверить в такое счастье не представлялось возможным. Кажется, дядя выбрал новую тактику... Наверное, он решил относиться ко мне уважительно и при каждом удобном случае подчеркивать свою заинтересованность в моей судьбе. Почувствовав легкую тошноту, я встала из-за стола и молча покинула столовую. Если бы я обернулась, то наверняка бы увидела на лице Семена Германовича желчное негодование, вряд ли он остался доволен нашей беседой.

«А может, дядя передумал и чувствует неловкость за свои поступки?»

Но проверять и оборачиваться я все же не стала.

В пять часов мне позвонил Тим, и я пожалела, что задержалась у Абакшиных, – все могло быть иначе. Ожерелье бы лежало в сейфе у бабушки, а я сейчас пухла бы от безделья за городом...

– У тебя грустный голос, – сказал Тим. – Надеюсь, тебя никто не обидел?

– Нет, – соврала я, испытывая бесконечное чувство вины.

– Мы наверняка приедем поздно – твоя бабушка сходила в церковь, вернулась и спит уже три часа, а значит, вечером у нее начнется активная деятельность, – в голосе Тима сквозила улыбка. – Но если ты продержишься часов до двенадцати, то мы сможем увидеться.

– Я продержусь, – уверенно пообещала я и почувствовала себя гораздо лучше. Я прижмусь к нему, он обнимет меня, и все плохое обязательно сразу улетучится – осталось подождать совсем немного.

– Как там Лера? – спросила я, чтобы не думать о грустном.

– Отлично, сменила уже четвертый купальник.

В шесть часов я начала собираться: расчесала волосы, натянула джинсы, надела белую майку и поверх голубую рубашку. Застегивать ее не стала – пусть болтается. По привычке я взялась придумывать фразы, которые обязательно скажу Шелаеву, но слова не желали складываться в четкие и умные предложения, выходило путано и глупо. Как всегда в такой ситуации. Я поймала себя на мысли, что мое отношение к Климу уже не такое поверхностное, как раньше. Вернее, наши отношения стали гуще, плотнее, тяжелее... Мне пришлось это признать, хотя совсем не хотелось. Где легкость и моя собственная ироничность, где упертость, выручающая меня не раз?

– Ладно, буду веселой и непринужденной, – решила я, выходя из дома, и направилась пешком в сторону метро. Все насмешки и ирония Шелаева пролетят мимо, не задев даже уха! И, будто назло, я сразу вспомнила, как он коснулся моего плеча в саду Абакшиных.

Посмотрев на отражение в зеркальной стене лифта, я пришла к выводу, что выгляжу уверенной и хладнокровной, но душа подрагивала, с каждой секундой все больше и больше наполняясь волнением. Каким-то странным волнением – болезненным и тягучим...

Я нажала кнопку звонка, услышала щелканье замка – дверь распахнулась.

Шелаев смотрел на меня так, словно я была долгожданной добычей, которую он, к своему огромному сожалению, не может тронуть по каким-то неведомым мне законам джунглей. Небрит, со спокойным выражением лица.

Оказавшись в квартире, я сняла босоножки, подняла голову и шагнула назад к стене – совершенно ненужное и досадное движение. Так в обществе Шелаева случалось всегда: я настраивалась на одно, а делала совсем другое. Иногда – прямо противоположное.

Клим подошел и навис надо мной. Тишину никто не нарушил, она окружила нас со всех сторон и зазвенела, точно натянутая тетива. А затем я раскололась на две равные части: одна желала немедленно сбежать, а вторая требовала остаться и одержать победу. Мое дыхание участилось, и, кажется, вспыхнули щеки, но я смело заглянула в серые глаза и... качнулась на пятках.

Клим улыбнулся и тихо произнес:

– Ты не могла бы сделать мне одно одолжение?

– Нет, – дерзко ответила я.

– Совсем маленькое. Крошечное.

– Ни за что на свете.

– Я сейчас задам тебе вопрос и очень прошу, просто скажи: «никогда». Пусть это будет твой обычный уверенный ответ.

Мурашки побежали по коже. «Я должна узнать, о чем Клим собирается спросить. Хотя бы для того, чтобы оказаться готовой к его следующему ходу».

– Какой вопрос?

– Ты останешься на ночь? Сегодня или еще когда-нибудь? – Его глаза сияли, на губах застыла тонкая улыбка. Клим наслаждался моей реакцией, но в то же время вена на его шее вздулась, и я могла поспорить на что угодно, его мышцы стали каменными.

«Почему он может говорить мне такое... Или я не поняла... Нет, я правильно поняла... Зачем?.. Дурацкая шутка... Он так шутит, он всегда так со мной шутит... Я же Ланье!»

Шелаев наклонился, и его дыхание коснулось моей щеки и виска. Он стоял неподвижно, но мне почему-то казалось, будто его руки уже прижимают меня к себе... Я стала дышать тяжелее и реже, моя спина коснулась стены... Клим не двигался, лишь смотрел на меня, и я тоже смотрела на него.

Что я могла ответить? Что?

Если бы я сказала «да», то согласилась бы остаться на ночь.

Если бы сказала «нет» или «никогда», то, по теории Шелаева, тоже бы согласилась, потому что после моего уверенного отрицания все случается с точностью до наоборот. Если поблизости, конечно, находится Клим.

– А я не буду отвечать на ваш вопрос, – я прищурилась и тоже улыбнулась. Шелаев не мог знать, что в эти секунды я изо всех сил старалась не произнести «никогда» мысленно. Чтобы даже случайно не навлечь на свою голову такого бедствия!

– Значит, этот вопрос будет мучить тебя постоянно, – сказал Клим, поднял руку и дотронулся до моих губ. Вновь улыбнулся. Его пальцы пахли сигаретным дымом, наверное, он недавно курил... – Я никогда не спрашивал у женщины разрешения, но...

Какими же горячими стали мои щеки, то ли от его дыхания, то ли от моего бескрайнего смятения. Я не дала договорить Шелаеву, схватила его за запястье и отвела руку от лица. Но свои пальцы разжала не сразу, а через несколько секунд – они точно примерзли, прилипли и отказывались слушаться. Я даже посмотрела на них потом, не веря в случившееся непослушание.

– Приглашаю тебя на ужин, надеюсь, ты любишь говядину и хорошо относишься к овощам, – быстро отстранившись, легко сказал Клим.

Я почувствовала вспышку радости от того, что он приготовил не кролика, иначе у меня было бы стойкое ощущение, что я ем саму себя – хорошо обжаренную и сдобренную специями.

– Я люблю овощи, – прогоняя пять прошедших минут как можно дальше, ответила я.

В квартире Шелаева произошли небольшие перемены: теперь в просторном коридоре стоял диван кирпичного цвета, висела люстра с ковкой под цвет дивана, и, наверное, поменялось что-то еще, но я не могла детально вспомнить прежнюю обстановку.

– Шампанское или вино? – спросил Клим.

– Нет, я не буду.

Он не стал уговаривать, разложил зеленый салат по тарелкам и сел напротив.

– Вам не стыдно? – небрежно спросила я, накалывая черри на вилку. Но мой голос не прозвучал спокойно, сцена в коридоре давала о себе знать.

– Ужинать с молодой и красивой женщиной? Абсолютно нет.

Комплимент я с удовольствием проигнорировала – буквально смахнула его со стола на пол и мило улынулась.

– Наверное, вы забыли, что украли у меня ожерелье...

– Взял поносить, – пошутил Шелаев.

– И как?

– К сожалению, не подошло по размеру.

– А если бы я все же рассказала Эдите Павловне?

– Тогда бы я умер в одночасье.

– И вас это не заботит?

Клим положил вилку, подпер небритую щеку кулаком и посмотрел на меня чуть ли не с умилением.

– Во-первых, я знал, что твоя любимая бабушка уедет, она при мне говорила об этом Коре, во-вторых, я ужасно по тебе соскучился.

«Во-вторых» я тоже проигнорировала и тоже смахнула на пол, а затем задала вопрос, касающийся первой части объяснений Шелаева:

– Но вы рисковали.

– Да, ради встречи с тобой, – ответил он. – Мясо будешь?

Бросив попытки докопаться до истины (от этого лучше не становилось...), я ела говядину, оглядывалась по сторонам и потихоньку успокаивалась. После ужина я собиралась попросить ожерелье и уйти, оставалось совсем немного...

– Почему вы живете в квартире?

– А я должен жить в доме?

– Наверное, да.

– Удобно, меньше уборки и не заблудишься.

– Вы убираетесь сами?

– В основном. Не люблю посторонних людей.

Я улыбнулась и нарочно спросила:

– А я не посторонняя?

– Оставайся на ночь, и мы это узнаем, – спокойно ответил Клим.

– Никогда, – машинально сказала я, уронила вилку и сжала губы, точно еще была возможность поймать это слово за последнюю букву и отправить обратно в рот. Разжевать, проглотить и забыть раз и навсегда.

– Вот видишь, как все просто решилось. – Шелаев смотрел на меня пристально и внимательно, точно пытался запомнить меня и этот момент в мельчайших подробностях. Я почувствовала, как его взгляд скользит по моему лицу и медленно опускается вниз: к подбородку, шее, груди... Клим отложил хлеб и откинулся на спинку стула. – Ты совершенно не хвалишь меня за ужин, а я, между прочим, старался. – Тяжесть во взгляде исчезла, теперь он был весел.

- В доме Ланье меня кормят вкуснее, – отомстила я не менее иронично.
- Придется украсть еще и вашего повара. Придешь его вызволять?
- Обязательно.

Клим помолчал, поднялся, поставил две чашки на подставку кофемашины.

– Твоя мама готовила хорошо, – сказал он спокойно и негромко. – Возможно, и у тебя есть такой талант. Ты не пробовала?

Это был запретный прием в духе Шелаева – сердце качнулось вправо, влево, дало трещину, и я замерла. Мне никто не хотел рассказывать о маме, а если бы и захотели, то я бы услышала малоприятные характеристики. Эдита Павловна не простила ей измены мужу, ее сыну, и поэтому отзывалась о ней только плохо. Но моя мама была самая лучшая на свете... По иронии судьбы Клим являлся тем единственным человеком, который мог рассказать правду, однако задать ему вопросы на эту непростую тему я решилась бы лишь в горячем бреду...

– Она тебя очень любила, – стоя ко мне спиной, продолжил Клим и нажал кнопку. Кофейные зерна превращались в крупинки, но я почти не слышала этот хрипящий шум, я боялась пропустить слова Шелаева. – Она была добрая, милая и звонко смеялась.

– А еще какой она была? – услышала я свой дрогнувший голос.

Клим развернулся и ответил:

– Пойдем со мной.

Он протянул руку ладонью вверх, будто хотел сказать: «Обещаю, в ближайшие десять минут я тебя не обижу». Я коснулась ладони, и его пальцы сразу сжались, захватив меня в плен. Поднявшись со стула, я сразу высвободила руку и посмотрела в сторону двери.

Мы прошли по коридору, а потом свернули в комнату, похожую на маленькую гостиную. Серые стены и темные шторы делали ее не слишком уютной, но здесь, наверное, было хорошо отгораживаться от шума Москвы, дел и забот.

– Вот такой она была.

Клим отошел к окну, а я увидела на стене портрет очень красивой светловолосой женщины, она сидела боком, положив руки на колени, и с доброй улыбкой смотрела на меня. Мы были похожи как две капли воды: те же глаза, щеки, лоб и нос, вытянутая худоба, торчащие ключицы, наклон головы...

Я видела маму на фотографиях, но на картине она казалась... живой, видимо, портрет рисовал очень талантливый художник.

– Я редко захожу в эту комнату, – раздался голос Шелаева, заставивший меня вздрогнуть.

– Прошу вас, отдайте мне портрет! – выпалила я, резко развернувшись, не позволяя Климу договорить. Я была готова сорвать картину со стены и унести, я бы бежала по улицам сначала в страхе (догонят и отберут), а потом вприпрыжку от радости! Люди смотрели бы мне вслед и считали сумасшедшей, но для меня это не имело никакого значения. – Она вам все равно не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.